

Шекспир У. Тит Андроник filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Уильям Шекспир Тит Андроник.
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА Сатурнин, сын умершего римского императора, потом император.
Бассиан, брат Сатурнина.
Тит Андроник, знатный римлянин.
Марк Андроник, народный трибун, брат Тита.
Люций
Квинт
сыновья Тита Андроника.
Марций
Муций
Люций младший, мальчик, сын Люция.
Публий, сын Марка Андроника.
Эмилий, знатный римлянин.
Аларб
Деметрий сыновья Таморы.
Хирон
Арон, мавр, возлюбленный Таморы.
Военачальник, трибун, гонец, деревенский парень (шут), римляне и готы.
Тамора, королева готов.
Лавиния, дочь Тита Андроника.
Кормилица и черный ребенок.
Родственники Тита, сенаторы, трибуны, военачальники, воины, слуги.
Место действия – Рим и его окрестности АКТ I СЦЕНА 1 Рим. Перед Капитолием.
Видна гробница Андроников.
Трубы.
Входят наверху трибуны и сенаторы; затем входят внизу, с барабанами и знаменами, с одной стороны – Сатурнин и его приверженцы, с другой – Бассиан и его приверженцы.
Сатурнин
Патриции, опора прав моих,
Оружием защищайте их законность;
И вы, сограждане, друзья, мечами
Наследный сан отстаивайте мой:
Я – первородный сын того, кто был
До нас последним венценосцем Рима.
Величие отца за мной упрочьте
И старшинство мое не опорочьте.
Бассиан
Вы, римляне, защита прав моих,
Коль Бассиан, сын цезаря, снискал
Благоволение царственного Рима,
Вход в Капитолий охраняйте здесь.
Да не приблизится порок бесчестить
Трон цезарей, величью посвященный,
Умеренности, правде и добру;
Да воссияют в избранном заслуги.
Боритесь за свободный выбор ваш.
Входит наверху Марк Андроник с короной.
Марк
При помощи друзей и партий, принцы,
Вы боретесь за титул и за власть,
Но знайте, что народом Рима, чьею
Особой волей мы облечены,
На цезарский престол единогласно
Андроник избран, по прозванью Пий,
За многие заслуги перед Римом:
Достойней мужа, воина храбрее
Нет в наше время в городских стенах.
Сенатом он на родину отозван
С войны тяжелой против диких готов;
С сынами смелыми, грозой врагов,
Он покорил воинственное племя.
Десятилетье протекло с тех пор,
Как, став за Рим, он дерзких покарал
Оружием; пять раз он возвращался,

Изранен, в Рим и сыновей отважных
К нам привозил в гробах.
И вот, добычей славной отягченный,
Андроник добрый возвратился в Рим,
Достойный Тит, великий в деле бранном.
Во имя цезаря, кому хотели б
Преемника достойного вы дать,
И правом Капитолия с сенатом,
Столь чтимых нами, говорите вы,
Вас заклинаем избежать насилья
И, отпустив друзей, в смиренье, я мире
За право состязаться как истцы.

Сатурнин

Смирил мой дух трибун красноречивый!

Бассиан

Так в честь твою я верю, Марк Андроник,
И в беспристрастие и в прямоту,
Так почитаю и люблю тебя,
И Тита, брата твоего, с сынами,
И ту, которой предан я всецело,
Лавинию, красу и гордость Рима,
Что отпустить своих друзей готов;
И милости народа и судьбе
Вверяю я мое избранье взвесить.
Приверженцы Бассиана уходят.

Сатурнин

Друзья, за ревность к праву моему
Благодарю всех вас и отпускаю;
И милости, любви моей отчизны
Вверяю я избранье и себя.

Приверженцы Сатурнина уходят.

Будь так же милостив ко мне, о Рим,
И справедлив, как мною ты любим!
Открыть ворота! Пропустить меня!

Бассиан

И я войду в них, скромный соискатель.

Трубы.

Сатурнин и Бассиан поднимаются в Капитолий.

Входит военачальник.

Военачальник

Дорогу, римляне! Андроник добрый.
Поборник правды, Рима лучший воин,
Победоносный в битвах, данных им,
Вернулся к нам со славою и честью,
Мечом из римских вытеснив владений
И в рабство наших обратив врагов.

Трубы и барабаны.

Входят Марций и Муций, за ними два человека, несущих
покрытый черным гроб; затем Люций и Квинт. За ними Тит
Андроник; затем Тамора, королева готов, с Аларбом, Хироном,
Деметрием, Ароном и другими пленными готами; за ними
следуют воины и народ. Гроб ставят на землю, и Тит говорит.

Тит

Привет, о Рим, и в трауре победный!
Как тот корабль, который груз свой сбросил
И с драгоценной кладью входит в порт,
Откуда с якоря впервые снялся,
Андроник прибыл, лаврами повит,
Приветствовать отчизну со слезами,
Слезами счастья о возврате и Рим.
Хранитель Капитолия великий,
Будь милостив к обрядам предстоящим!
Вот двадцати пяти сынов отважных,
Приам имел и вдвое больше их,
Остаток жалкий – мертвых и живых!
Кто жив, тех награди любовью, Рим;
Кого я вез к последнему жилищу,
Тех подле праха предков упокой.
Мне дали готы в ножны меч вложить.
Что ж, допускаю, нерадивый к близким,
Сынов своих еще не погребенных

Блуждать по мрачным Стикса берегам!
Им возле братьев отведите место.
Открывают гробницу.
В молчанье встретьтесь, как довлеет мертвым,
И спите с миром, за отчизну пав!
Вместилище былой моей отрады,
Обитель доблести и благородства,
Хранишь ты многих сыновей моих
И никогда не возвратишь мне их!

Люций

Дай нам славнейшего из пленных готов,
Чтоб, изрубив, мы на костре его
Ad manes fratrum в жертву принесли
{Братским теням... (Все иноязычные фразы
и отдельные слова в этой пьесе - латинские.)}
Перед земной темницей их останков,
Чтоб не томились тени неотмщенных,
Смущая нас зловещим появленьем.

Тит

Возьмите, вот знатнейший из живых:
Он старший сын несчастной королевы.
Тамора
О, стойте, братья-римляне! Ты, Тит,
Великодушный победитель, сжался
Над матерью, страдающей за сына;
О, если дорог сын тебе родной,
Подумай! Мне ведь так же дорог мой!
Иль мало вам того, что нас пригнали
Украшать въезд твой триумфальный в Рим,
Твоих рабов и Рима подъяремных?
Ужели сыновей моих зарежут
За подвиги в защиту их отчизны?
О, если этот подвиг должно чтить
В твоих сынах, - в моих он так же славен.
Андроник, не пятнай гробницы кровью.
Ты хочешь уподобиться богам?
Так будь же в милосердьи им подобен;
Ведь милосердие - признак благородства.
Оставь мне сына, благородный Тит.

Тит

Прости мне, королева, и смирись.
Вот братья тех, кого видали готы
В живых и мертвыми; за павших жертвы
Благочестиво требуют они.
Твой сын к тому намечен и умрет,
Чтоб успокоить тени отошедших,

Люций

Забрать его и развести огонь!
Мечами будем тело на костре
Рубить, пока не обратится в пепел.
Сыновья Андроника с Аларбом уходят.

Тамора

Обряд бесчеловечный, нечестивый!

Хирон

Была ли Скифия такой жестокой?

Деметрий

Со Скифией сравнится ль властный Рим?
Аларб почует, мы же остаемся
Под грозным взором Тита трепетать.
Смирись же, королева, но надейся,
Что боги, давшие царице Трои
Возможность беспощадно отомстить
В его шатре фракийскому тирану,
Тебе помогут, королеве готов,
Пока мы готы, ты ж их королева,
За кровные обиды отплатить.
Входят сыновья Андроника с окровавленными мечами.

Люций

Отец и господин, исполнен нами
Обряд наш римский. Уж Аларб изрублен,
И внутренности брошены в огонь,

И дым, как фимиам, воскурен в небо.
Похоронить осталось наших братьев
И бранным звоном в Риме здесь их встретить.

Тит

Да будет так, и да пошлет Андроник
Последнее прощанье душам их.
Трубы. Гроб вносят в гробницу.
Здесь, сыновья, покойтесь с миром, с честью;
Герои Рима, тихо почивайте,
Сокрыты от превратностей и бедствий.
Не сторожат измена здесь, ни зависть,
Отрава не растет; здесь нет ни шума,
Ни бурь, но тишина и вечный сон.
Здесь, сыновья, покойтесь с миром, с честью!
Входит Лавиния.

Лавиния

Да здравствует Андроник с миром, с честью!
Отец и господин, живи во славе!
Здесь, на могиле, приношу слезами
Дань погребенью братьев и, склонясь
К твоим ногам, я слезы проливаю
От радости, что ты вернулся в Рим.
Благослови меня десницей славной;
Ее победам рукоплещет Рим.

Тит

Рим благосклонный бережет любовно,
На радость сердцу, старости утеху!
Переживи мой век! Цвети по праву,
Извечной добродетели во славу!
Входят внизу Марк Андроник и трибуны; возвращаются
Сатурнин и Бассиан со свитой.

Марк

Да здравствует любимый брат мой Тит,
Любезный взорам Рима, триумфатор!

Тит

Благодарю, трибун и брат мой Марк.

Марк

Племянники, с победой поздравляю
И вас, живых, и спящих в славе, вас!
В удаче все вы, юноши, сравнялись,
Поднявшие за родину мечи.
Но погребенья торжество надежней:
Оно Солонова взыскует счастья,
На ложе чести победив превратность.
Андроник Тит, тебе народ наш римский,
Чьим другом истинным ты был всегда,
Через меня, посредника, трибуна,
Шлет паллий непорочной белизны
И намечает к выборам на царство
С наследниками цезаря - тебя:
Надев его, стань нашим candidatus
{Носящий белый плащ (паллий), какой надевали в Риме
на высокие государственные должности.}
И Рим наш обезглавленный возглавь.

Тит

Прилична телу славному глава
Получше этой, что от лет трясется.
К чему смущать нас, в паллий облачившись?
Быть избранным сегодня всенародно,
А завтра власть сложить, и жизнь отдать,
И новые навлечь на вас заботы?
Рим, сорок лет я был твоим солдатом,
И силой ратной управлял с успехом,
И девятнадцать смелых сыновей
Похоронил, что мужественно пали
За родину с оружием в руках.
Почетный посох дайте мне на старость,
Не скипетр - миром управлять; держал
Его высоко, кто держал последним.

Марк

Тит, пожелай лишь - и получишь власть.

Сатурнин

Трибун надменный, можешь ли ручаться?

Тит

Терпенье, принц.

Сатурнин

О Рим, будь справедлив

Меч обнажив, патриции, не прячьте,

Пока я в Риме цезарем не стал.

Андроник, в ад отравишься ты прежде.

Чем у меня сердца народа взять!

Люций

Гордец ты, Сатурнин, - добру мешаешь,
которое готовит Тит тебе!

Тит

Принц, успокойся, я верну тебе

Сердца народа, у него ж отняв их.

Бассиан

Андроник, я не льщу тебе, но что

И буду чтить тебя, пока не умер;

И если партию мою поддержишь,

Признателен я буду; для достойных

Признательность - почетней всех наград.

Тит

У римского народа и трибунов

Поддержки я прошу и голосов.

Их дружески Андронику дадите ль?

Трибуны

Чтоб доброго Андроника почтить,

Отпраздновав счастливое прибытие,

кто избран им, того народ признает.

Тит

Благодарю, трибуны, и прошу,

чтоб выбор пал на старшего из принцев,

На Сатурнина, чья заслуги, верю,

Рим озарят, как землю - луч Титана,

И правосудие в стране возрастят.

Итак, совет мой вам - венчать его,

Провозгласив; "да здравствует наш цезарь!"

Марк

С согласия и при одобренье всех,

Патрициев, как и плебеев, принца

Им императором провозглашаем:

"да здравствует наш цезарь, Сатурнин!"

Непрерывные трубные звуки, пока они сходят вниз.

Сатурнин

Андроник, за твои услуги, нынче

Оказанные при избрании нам,

Тебе я благодарность изъявляю

И по заслугам наградить хочу.

И для начала, Тит, чтоб возвеличить

Твой славный род, хочу императрицей

Лавинию назвать, царицей Рима,

Властительницей сердца моего,

С ней сочетавшись браком в Пантеоне.

Доволен этим предложеньем ты?

Тит

Да, господин мой, и высокой честью

Союз тот почитаю для себя.

И здесь же, перед Римом, Сатурнину,

Вождю и повелителю народа,

Властителю вселенной, посвящаю

Мой меч, и пленников, и колесницу

Дары, достойные владыки Рима.

Прими же их как дань, трофеи славы,

К твоим ногам повергнутые мной.

Сатурнин

Благодарю, отец моей любви,

Тит славный! Как я горд тобой и даром

Свидетель Рим; и, если я забуду

Малейшую из всех заслуг бесценных,

Вы, римляне, забудьте верность мне.

Тит

(Таморе)

Ты цезаревой пленницей стала;
Согласно с саном, Тамора, твоим
Поступит благородно он с тобою.

Сатурнин

(в сторону)

Красавица от головы до ног!
Ах, если б ею обладать я мог!

(Громко.)

Лик скорбный, королева, проясни.
Войны превратности тому причиной;
Но ты явилась в Рим не на позор:
В тебе всегда признают королеву.
Доверься мне и не давай печали
Затмить надежды все. Твой повелитель
Возвысить может королеву готов.
Лавиния, не гневаешься ты?

Лавиния

О нет! Порукой Сатурнина честь,
Что эта речь – лишь царственная лесть.

Сатурнин

Благодарю. – Ну, римляне, идемте.
Без выкупа мы пленных отпускаем.
Пусть нашу славу трубы возвестят.
Трубы.

Сатурнин ухаживает за Таморой.

Бассиан

(хватая Лавинию за руку)

Тит, разреши мне! Девушка – моя.

Тит

Как! Ты серьезно говоришь, мой принц?

Бассиан

Да, Тит, вполне; и доказать намерен
Как право, так и правоту свою.

Марк

Suum cuique {всякому – свое.} – в нашем римском праве:
Лишь собственность берет по праву принц.

Люций

И он возьмет ее, коль буду жив.

Тит

Изменники! Где стража государя?
Лавиния похищена! Измена!

Сатурнин

Похищена! Но кем же?

Бассиан

Тем, кто прав,
Свою невесту ото всех отнял.
Бассиан и Марк с Лавинией уходят.

Муций

Вы, братья, помогите скрыться ей,
А я останусь охранять здесь двери.
Квинт, Люций и Марций уходят.

Тит

Ее верну я. Государь, за мной!

Муций

Ты не пройдешь здесь.

Тит

Как, мальчишка дерзкий!
Путь в Риме преграждаешь мне?
(Закальвает Муция.)

Муций

На помощь!

(Умирает.)

Во время этой схватки Сатурнин, Тамора, Деметрий, Хирон
и Арон уходят и появляются наверху.

Входит Люций.

Люций

Отец, ты больше чем несправедлив:
В неправой ссоре умертвил ты сына.

Тит

Ни ты, ни он – не сыновья вы мне:

Так сын не опозорил бы. Изменник,
Лавинию ты цезарю вернешь!

Люций

Лишь мертвою! Она обручена
С другим – и цезарю женой не будет!
(Уходит.)

Сатурнин

Знай, Тит, нет нужды цезарю в тебе,
Ни в ней, ни в ком из твоего семейства.
Я лучше вверюсь тем, кем был осмеян,
Вам – никогда, надменным, вероломным
Виновникам позора моего.

Иль не нашлось вам на потеху в Риме
Другого никого? Согласны, Тит,
Дела такие с похвальбой твоей,
Что у тебя я выклянчил державу.

Тит

Чудовищно! Какое оскорбленье!

Сатурнин

Но будь по-твоему; отдай девчонку
Тому, кто за нее махал мечом;
Зять будет славный: он поспорить может
С беспутными твоими сыновьями
В уменье государство возмутить.

Тит

Нож – эта речь для раненого сердца.

Сатурнин

Ты ж, Тамора, правительница готов,
Затмившая собой красавиц римских,
Как дивная фебея – нимф своих,
Коль выбором неожиданным ты довольна,
Тебя, своей супругою избрав,
Провозглашу императрицей Рима.
Одобришь ли мой выбор, королева?
Здесь римскими богами я клянусь,
Затем, что близко жрец с водой святою,
И факелы пылают, и готово
Для Гименея все, – не покажусь
На римских улицах, и во дворец
Я не войду, пока, обвенчан с нею,
Не уведу отсюда я супругу.

Тамора

Здесь, пред лицом небес, клянусь я Риму,
Коль Сатурнин возвысит королеву,
Она слугой его желаний станет
И матерью – для юности его.

Сатурнин

В храм, королева. – Следуйте, друзья,
За императором с супругой милой,
Дарованною Сатурнину небом,
Исправившим судьбу ее премудро.
Там совершатся брачные обряды.
Уходят все, кроме Тита.

Тит

Не позван я сопровождать невесту.
Когда ты был, Андроник, так отвергнут,
Так опозорен, обвинен в измене?
Входят Марк, Люций, Квинт и Марций.

Марк

О Тит, подумай, что ты совершил!
В ничтожной ссоре сына ты убил.

Тит

Нет, нет, глупец-трибун, не сын мне он;
И ты и те сообщники деянья,
Нас опозорившего, – кто вы мне?
Презренный брат, презренные сыны!

Люций

Дай схоронить его как подобает;
Как братьев, Муция дай схоронить.

Тит

Не смей, изменник! Здесь ему не место,
Гробница эта пять веков стоит;
Я заново ее отстроил пышно.
Здесь только воины и слуги Рима
Покоятся во славе – не буяны.
Где знаете, кладите, но не здесь.

Марк

О брат мой, это будет нечестиво:
Оправдывают Муция деянья.
Он должен с братьями быть погребен.

Квинт и Марций

И будет, иль за ним уйдем мы следом.

Тит

"И будет"! Кто сказал здесь это слово?

Квинт

Тот, кто его повсюду подтвердит.

Тит

Как! Схоронить без моего согласия?

Марк

Нет, славный Тит, но просим у тебя
Прощенья Муцию и погребенья.

Тит

И ты меня ударил, Марк, по шлему!
С мальчишками ты ранил честь мою!

Вас за врагов всех почитаю я;

Уйдите прочь, оставьте все меня.

Марций

Он вне себя; нам лучше удалиться.

Квинт

Не схоронив останков, не уйду.

Марк и сыновья Тита станут на колени.

Марк

Мой брат, природы голос умоляет...

Квинт

Отец, природы голос говорит...

Тит

Молчи, твой голос их надежд лишает.

Марк

О Тит, часть большая души моей...

Люций

Отец, душа и сущность сыновей...

Марк

О, допусти, чтоб был схоронен маркой

В жилище добродетели племянник,

Погибший за Лавинию и честь!

Ты римлянин – так варваром не будь.

Ведь греки предали земле Аякса,

Убившего себя; об этом их

Просил усердно мудрый сын Лаэрта.

Дай Муцию – он был твоей утехой

Сюда войти свободно.

Тит

Встань же, Марк!

Несчастней дня я не знавал, чем этот:

Я опозорен сыновьями и Риме!

Похорони его, за ним – меня.

Муция вносят в гробницу.

Люций

Покойся там с друзьями, милый Муций,

Пока трофей гробницы не украсил!

Все

(преклонив колени)

По Муцию не проливайте слез:

Кто пал за дело чести, жив во славе.

Марк

Врат, чтоб из мрачного унынья выйти,

Скажи, как хитрой королеве готов

Возвыситься вдруг в Риме удалось?

Тит

Не знаю, Марк, но знаю – это так.

А ловкостью иль нет, то скажет небо.

Но не обязана ль она тому.

Кто издали привел ее к величью?

Да, и она вознаградит его.

Трубы.

Входят с одной стороны Сатурнин со свитой, Тамора, Деметрий, Хирон и Арон; с другой – Бассиан, Лавиния и другие.

Сатурнин

Ты получил награду, Бассиан!

Пошли тебе бог счастья от супруги.

Бассиан

Тебе того же. Больше не скажу

И меньше не желаю. С тем оставлю.

Сатурнин

Коль в Риме есть закон и власть у нас,

Ты с шайкою расквесишь в насилье.

Бассиан

Насильем называешь, что беру я

Свое – мою невесту и жену?

Но пусть законы Рима все решат;

Пока же, что мое, тем и владею.

Сатурнин

Отлично, принц; ты очень резок с нами;

Так будем столь же строги мы с тобой.

Бассиан

За то, что я свершил, я в полной мере

Ответить должен и отвечу – жизнью.

Одно лишь милости твоей скажу

Из чувства долга моего пред Римом:

Патриций этот, благородный Тит,

Во мненье всех и в чести опорочен,

Лавинию освободить пытаюсь,

Убил он сына собственной рукой,

Служа тебе и разъяренный тем,

Что дар, который он тебе назначил,

Похитили тебе наперекор.

Верни же милость, Сатурнин, тому,

Кто выказал себя во всех поступках

Как друг, отец и Риму и тебе.

Тит

Не защищай мои поступки, принц.

Ты сам помог предать меня позору.

Пусть судит Рим и праведное небо,

Как мной любим и чтим был Сатурнин!

Тамора

О цезарь, если Тамора достойна

Благоволенья в царственных глазах,

Послушай, что скажу я беспристрастно,

И прошлое, прошу тебя, прости.

Сатурнин

Как! Получить открыто оскорбленье

И низко вытерпеть, не отомстив?

Тамора

Нет, государь, да не допустят боги,

Чтоб на тебя я навлекла позор!

Но честью я осмелюсь в том ручаться,

Что неповинен добрый Тит ни в чем:

Гнев непритворный говорит о горе.

Взгляни же милостиво на него;

Из подозренья не лишайся друга,

В нем сердце строгим взглядом не печаль.

(Тихо, Сатурнину.)

Послушайся меня, на просьбы сдайся,

Печаль свою и недовольство скрой.

Ты только что взшел на свой престол;

Народ и знать, все на сторону Тита

По здравом размышленьи могут стать,

Тебя низвергнув за неблагодарность,

Что Рим считает низменным пороком.

Склонись к мольбам и предоставь все мне:

Я день найду, чтоб всех их перерезать,

Искоренить их партию и род,

Отца-злодея, сыновей коварных,
Кого за сына милого молила:
Пусть впредь не заставляют королеву
С мольбой средь улиц падать на колени.
(Громко.)

Прости же, цезарь! – Подойди, Андроник!
Ты старца подними, ободри сердце,
Убитое грозю гневных глаз.

Сатурнин
Встань, Тит, императрица победила.

Тит
Вас, государь, благодарю обоих:
От этих слов и взглядов ожил я.

Тамора
Тит, я сроднилась с Римом. Принял он
Как римлянку меня, тем осчастливив,
И я должна подать благой совет.
Все распри ныне кончены, Андроник.
Честь предоставь мне, добрый государь,
Тебя с друзьями помирить твоими.
Принц, за тебя замолвила я слово
И обещанье цезарю дала,
Что станешь ты сговорчивей и мягче.
Лавиния, вы, юноши, – не бойтесь:
Совет мой вам – смиренно на коленях
У цезаря прощения просить.

Люций
Охотно, и клянемся государю,
Что поступали сколь возможно мирно,
Честь уважая нашу и сестры.

Марк
В том я свою честь заверяю.

Сатурнин
Прочь, и молчать: не досаждайте нам!

Тамора
Нет, цезарь, нет, нам должно быть друзьями.
Они пощады просят на коленях.
Ужели ты откажешь мне, любимый?

Сатурнин
Марк, снизойдя к мольбам твоим и Тита,
По настояньям Таморы любезной,
Я юношам прощаю их проступки.
Вставайте!
Лавиния, пусть брошен я тобою,
Но я нашел подругу. Клятвой, верной
Как смерть, клянусь, что жрец нас повенчает.
Пойдем, – пусть двор отпразднует две свадьбы:
Будь гостьей у меня с друзьями всеми.

(Таморе.)
День нынешний пусть будет днем любви.
Тит

А завтра, коль тебе угодно будет
Загнать со мной пантеру, нас разбудят
Рога и лай – охотничий привет.

Сатурнин
Пусть так и будет. Тит, благодарю.
Трубы.

Уходят. АКТ II
СЦЕНА 1 Рим. Перед дворцом.
Входит Арон.

Арон
Достигла Тамора высот Олимпа,
Ударам рока недоступна там,
Защищена от грома и от молний,
Над завистью грозятся вознестись.
Как солнце в час, когда, зарю встречая
И золотя лучами океан,
По зодиаку мчится в колеснице
И озирает выси дальних гор,
Так Тамора!

Все на земле ей льстиво угождает,

Трепещет добродетель перед ней.
Арон, во всеоружье сердца, мыслей
С любовницей венчанной вознесись;
Возвысься с той, которую ты долго
Держал, как пленницу, в цепях любви,
Прикованной к очам Арона крепче,
Чем Прометей прикован был к скале.
Прочь, рубище раба и раболепство!
Хочу блистать я в жемчугах и злате,
Императрице новой послужить.
Служить? Нет, тешиться с ней, королевой,
Богиней, нимфой, Семирамидой,
Сиреною, завлекшей Сатурнина,
И видеть гибель Рима и его.
Эй! Это что за шум?
Входят Деметрий и Хирон, угрожая друг другу.
Деметрий
Твоим годам, Хирон, недостает
Ума. Уму же – остроты, с которой
Проник бы он туда, где я любезен
И даже буду, может быть, любим.
Хирон
Деметрий, ты всегда самонадеян;
И тут ты хочешь похвальбою взять.
Не оттого, что я на год моложе,
Я менее удачлив и любим.
И я, как ты, возлюбленной служить
И милость заслужить ее способен.
Меч подтверди! сейчас мои слова
И на любовь Лавинии права.
Арон
(в сторону)
Дубин, дубин! Влюбленные буянят.
Деметрий
Не потому ль, что мать неосторожно
Твой бок украсила мечом для танцев,
Ты стал так яростно грозить друзьям?
Уйди отсюда! И пускай твой меч
Игрушечный прилипнет к детским ножнам,
Пока ты им владеть не научился.
Хирон
Тем временем и с небольшим уменьем
Я покажу тебе, на что гожусь.
Деметрий
Храбришься, мальчик?
Они обнажают мечи.
Арон
(выступая вперед)
Это что такое?
Так близко от дворца открыто смели
В подобной ссоре обнажить мечи!
Известна мне причина вашей распри;
И за мильон не пожелал бы я,
Чтоб знали те о ней, кто в том замешан;
Ни за какие деньги ваша мать
Не пожелала б в Риме так срамиться.
Стыдитесь! Прочь оружие!
Деметрий
Нет, покуда
Меч не вложу я в грудь ему и с ним
Не всуну в глотку все попреки эти,
Которыми порочил он меня.
Хирон
Трусливый сквернослов! Ты мечешь громы
Лишь языком, но не было ни разу.
Чтоб ты оружием что-нибудь свершил.
Арон
Прочь, говорю!
Клянусь богами непокорных готов,
Нас всех погубит ваш пустой раздор.
Иль не подумали вы, как опасно

На право принца дерзко посягать?
Лавиния ли стала столь распутной,
Иль Бассиан так низко пал, что в ссору
Вступать возможно за ее любовь,
Ни правосудья не страшась, ни мести?
Узнай причину ссоры ваша мать,
Не по сердцу была б ей эта распря.

Хирон

Что в том? Пусть мать узнает и весь мир:
Лавиния милей мне, чем весь мир.

Деметрий

Молокосос, понижай выбирай:
В Лавинии – Деметрия надежда.

Арон

В уме ли вы? Не знаете, как в Риме
Несдержанны и вспылчивы мужья?
Что здесь соперников в любви не терпят?
Себе готовите вы только смерть
Таким путем.

Хирон

И тысячу раз смерть
Готов принять я, чтоб добиться милой.

Арон

Добиться! Как?

Деметрий

Что странного в том видишь?
Коль женщина она, то добивайся!
Коль женщина она, бери ее!
И коль Лавиния, – любви достойна.
На мельнице воды уходит больше,
Чем видит мельник, и украсть легко
Кусочек от разрезанного хлеба.
Пусть Бассиан – брат цезаря, – носили
И лучшие Вулкана украшения.

Арон

(в сторону)

И так же хорошо, как Сатурнин.

Деметрий

Так что ж отчаиваться, если знаешь,
Как нежным взглядом, словом обольстить?
Иль не умел ты серну уложить
И унести под самым носом стражи?

Арон

Сдается мне, что нечто в этом роде
Уладит дело?

Хирон

Если б сладить с ним!

Деметрий

(Арону)

Попал ты в цель.

Арон

Попасть бы так и вам,
Чтоб не шумели вы по пустякам.
Послушайте, иль глупы вы настолько,
Чтоб ссориться? Вам мало, если вместе
Вам повезет?

Хирон

Не мне.

Деметрий

Ни мне, будь я один из двух.

Арон

Сдружитесь в том, из-за чего вы в ссоре.
Помогут хитрость и уменье вам
Желанным овладеть; итак, решайтесь:
Чего достичь не в силах, как хотели б,
Как можете, исполнить то должны.
Лукреция была не чище, верьте,
Лавинии, подруги Бассиана.
Скорейший путь, чем долгое томленье,
Должны избрать мы; я нашел тропу.
Готовится парадная охота;

Там соберутся римлянки, друзья.
Лесные чащи глубоки, обширны,
И много там пустынных уголков,
Природой созданных для злодеяний;
Туда сманите лакомую лань,
С ней справьтесь силой, если не словами.
Лишь этот путь надежду подает.
Императрице, чей священный разум
Бесчестию и мести посвящен,
Откроем мы намерения наши;
Ее совет отточит нам оружие;
Он не допустит ссоры между вами,
На высоту желаний вознесет.
Двор Цезаря подобен храму Славы,
Что полон глаз, ушей и языков.
Леса безжалостны, дремучи, глухи;
Кричите там, творите что хотите,
Насытите страсть, от взоров неба скрыты,
Сокровищем Лавинии натешьтесь.
Хирон
Совет твой трусостью не отзываает.
Деметрий
Sit ras aut nefas, до поры, когда
{Будет ли это законно или незаконно.}
Найду поток, что охладит мой пыл,
И чары, что утихомят страсти.
Per Styge, per manes vehor.
{Я несусь через Стикс и царство мертвых.}
Уходят. СЦЕНА 2 Лес близ Рима.
Слышны рога и собачий лай.
Входят Тит Андроник с охотниками, Марк, Люций, Квинт
и Марций.
Тит
Охота началась, сияет утро.
Поля благоухают, зелен лес.
Спустите псов, и пусть их лай разбудит
И цезаря с супругою и принца;
И пусть звенит охотничий призыв,
Весь двор наполнив многозвучным эхом.
Вы, сыновья, себе поставьте долгом,
Как мы, особе цезаря служить.
Мой сон был неспокоен нынче ночью,
Но вновь дохнул отрадою рассвет.
Собаки лают, рога звенят.
Входят Сатурнин, Тамора, Бассиан, Лавиния, Деметрий,
Хирон и свита.
Дней добрых много, государь, желаю,
И столько ж их, императрица, вам!
Я обещал вам славную охоту.
Сатурнин
Да, звучно вы трубили, господа,
Но рановато все ж для новобрачных.
Бассиан
Лавиния, что скажешь ты?
Лавиния
О нет,
Уж два часа прошло, как я проснулась.
Сатурнин
Идите же; коней и колесницы
Подайте нам.
(Таморе.)
Ты римскую охоту
Увидишь, государыня.
Марк
Затравят
Сильнейшую пантеру псы мои,
На высочайшую из гор взберутся.
Тит
За зверем вслед погонится мой конь
И ласточкой над долом пронесется.
Деметрий

(тихо, Хирону)

Надеемся без псов и без коней
Мы лакомую лань загнать верней.
Уходит. СЦЕНА 3 Пустынная часть леса.

Входит Арон с мешком золота.

Арон

Разумный муж сочтет меня безумцем
За то, что столько золота я прячу
Под деревом, чтоб не владеть им больше.
Пусть знает тот, кто обо мне так мыслит,
Что это золото перекуется
В жестокий замысел, который будет
Искусно выполнен и породит
Поистине прекраснейшую подлость.
(Зарывает золото в землю.)

Покойся, чтоб у тех покой отнять,
Кто дар императрицы должен взять.
Входит Тамора.

Тамора

Арон мой милый, что печален ты,
Когда все похваляется, ликуя?
На каждой ветке птицы распевают;
Змея на солнышке, свернувшись, спит;
Под свежим ветерком листва трепещет.
Бросая пятнами на землю тень.
Под сенью сладостной, Арон, присядем
И, между тем как эхо дразнит псов,
На звук рогов крикливо отзываясь,
Как будто две охоты слышны разом,
Сидеть мы будем, слушая их лай.
Вслед за борьбой, какую, полагаем,
С Дидоной тешился скиталец-принц,
Когда, застигнутых грозой счастливой,
Пещера скрытная их приютила,
В объятиях друг друга сплетены,
Сном золотым забудемся, натешась,
Меж тем как лай, рога и пенье птиц
Нам будут колыбельной песней няньки,
Баюкающей сонное дитя.

Арон

Тобою, Тамора, Венера правит
В твоих желаньях; мной в моих – Сатурн.
Что означает взор мой омертвевший,
Задумчивая мрачность и молчанье,
Моих волос развившиеся кольца,
Так змей коварный распускает кольца,
К смертельному готовясь нападенью?
Нет, Тамора, то не Венеры знаки;
Месть в этом сердце, смерть в моей руке,
Кровь и отмщенье мне стучат в виски.
Души моей владычица, в которой
Заклучено все небо для нее,
День роковой настал для Бассиана;
Отнимется язык у Филомелы;
Похитив честь ее, сыны твои
Омоют руки кровью Бассиана.
Вот здесь письмо, – прошу тебя, возьми
И Цезарю отдай фатальный свиток.
Не спрашивай, – за нами наблюдают:
Сюда идет добычи нашей часть,
О гибели своей не помышляя.

Тамора

Мой милый мавр, ты жизни мне милее!

Арон

Довольно, Тамора, вот Бассиан.
Будь резкой с ним; я сыновей сыщу,
Чтоб поддержать тебя во всяком споре.
(Уходит.)

Входят Бассиан и Лавиния.

Бассиан

Кто это здесь? Императрица Рима,

Без свиты, подобающей по сану?

Иль то Диана (весь наряд - ее!)

Покинула священные дубравы,
чтоб на охоту смертных посмотреть?

Тамора

Хулитель дерзостных поступков наших!

Имей я власть, присущую Диане,

Твой лоб рогами тут же б увенчался,

как с Актеоном было то, - и псы

на тело превращенное твое

набросились бы, мерзостный невежа!

Лавиния

Сдается, милая императрица,

что ты умеешь наделять рогами,

и с мавром ты затем уединилась,

чтоб в этом опыте с ним произвести:

Храни Юпитер Цезаря от псов!

Жаль, если за оленя будет принят.

Бассиан

Твой черный киммериец, королева,

поверь мне, запятнает честь твою

позорным, грязным, гнусным цветом тела.

Зачем бы удалилась ты от свиты,

со снежно-белого сойдя коня,

и забрела в глухое это место

в сопровождение мавра-дикаря,

коль не была б влекома низкой страстью?

Лавиния

За то, что помешал твоей утехе,

супруг мой славный в дерзости тобою

был обвинен. - Уйдем, и пусть любовью,

как ворон черной, тешится она,

ложбина эта отвечает цели.

Бассиан

Узнать об этом должен брат мой, Цезарь.

Лавиния

Проступка знак уже давно он носит.

Наш добрый Цезарь, - как обманут он!

Тамора

Ужель терпенья хватит все снести?

Входят Деметрий и Хирон.

Деметрий

В чем дело, матушка и королева?

Ты так бледна! Скажи нам, что с тобою?

Тамора

Бледна я, думаете, без причины?

Вот эти двое завлекли меня

в бесплодную, проклятую ложбину!

Деревья даже летом здесь мертвы,

их душат мох и злобная омела;

Здесь солнца нет, и водятся здесь только

сова ночная да зловещий ворон.

И, показав мне этот гнусный ров,

они сказали, что глухою ночью

здесь тысячи злых духов, змей шипящих,

раздутых жаб и тысячи ежей

такой нестройный, страшный крик поднимут,

что каждый смертный, услышав его,

сойдет с ума вдруг иль умрет внезапно.

Едва окончив адский свой рассказ,

здесь привязать меня они грозили

к стволу грозящего бедою тиса

и жалкой этой гибели предать.

меня прелюбодейкой грязной звали,

распутной готкой, всяким бранным сломом,

какое уху слышать доводилось,

и, если б чудом не явились вы,

они свершили б надо мной расправу.

Отмстите, если любите вы мать.

Иль впредь детьми моими не зовитесь.

Деметрий

Вот доказательство, что я твой сын.

(Поражает Бассиана.)

Хирон

И я ударом силу покажу.

(Также поражает Бассиана, который умирает.)

Лавиния

Семирамида! Нет, тебе пристало
лишь варварское имя, что ты носишь!

Тамора

Дай мне кинжал: оплатит ваша мать
Своей рукою за свою обиду.

Деметрий

Стой, государыня: ей мало смерти:

Хлеб смолоти, потом солому жги.

Красотка чистотой горда своею

И верностью супружеской и ею

Бросает вызов вашему величью.

Ужели ей в могилу все забрать?

Хирон

Да, если так, пусть евнухом я буду!

Давай ее супруга стащим в ров:

Пусть труп послужит изголовьем страсти.

Тамора

Желанный мед вкусив, не оставляйте

Осу живой, не то ужалит вас.

Хирон

Уж ты поверь, ее мы приручим.

Идем, голубушка: мы насладимся

Насильно чистотой, что ты блюла.

Лавиния

О Тамора! Ты женщина лицом...

Тамора

Я не желаю слушать. Прочь ее!

Лавиния

Друзья мои, пусть даст сказать хоть слово.

Деметрий

Позволь ей, матушка, и торжествуй

При виде слез ее; но сердце им

Пусть, как кремень дождю, не поддается.

Лавиния

Иль учат мать тигрята? Не внушай

Ей ярости, тебе внушенной ею.

От молока ее окаменел ты:

Жестокость ты с младенчества всосал.

Но не всегда же сын на мать походит!

(Хирону.)

Проси; пусть женскую проявит жалость.

Хирон

Как! Доказать, что сын я незаконный?

Лавиния

Ты прав: дрозда не высидит ворона

Но я слыхала, - если б это сбылось!

Что, тронут жалостью, позволил лев

Себе обрезать царственные когти.

Вороны кормят брошенных детей,

Птенцов голодных оставляя в гнездах.

О, будь ко мне, хоть сердцу вопреки,

Не столь добра, но только милосердна.

Тамора

Я этих слов не понимаю. Прочь!

Лавиния

Дай научить тебя. Во имя Тита

Тебе ведь жизнь он дал, хоть мог убить!

Не будь жестокосердной и глухой.

Тамора

Не будь тобой оскорблена и даже,

Из-за него тебя не пощажу.

(Сыновьям.)

Вы помните, как слезы я лила,

Чтоб в жертву брат ваш не был принесен,

Свирепый же Андроник не смягчился.

Возьмите, тешьтесь ею как хотите:

Чем хуже ей, тем вы милее мне.

Лавиния

О Тамора, будь доброй королевой,

Своей рукой ты здесь меня убей!

Молила я так долго не о жизни:

Со смертью Бассиана я мертва.

Тамора

О чем ты молишь, глупая, оставь.

Лавиния

О смерти здесь, немедля, и о том,

Что женский мой язык сказать не смеет,

Избавь меня от худшего, чем смерть,

От похоти их мерзкой. Брось меня

В глубокую, ужаснейшую яму,

Где трупа не увидит глаз людской.

Убей, но будь убийцей милосердной.

Тамора

Лишить награды милых сыновей?

Нет, пусть насытят страсть красой твоей.

Деметрий

Вперед! И так ты здесь нас задержала.

Лавиния

Ни жалости? ни женственности? Зверь!

Позор и враг ты имени всех женщин!

Да поразит...

Хирон

Нет, рот тебе заткну я. - Брат, скорей

Тащи-ка в ров сюда ее супруга.

Здесь спрятать труп его велел Арон.

Деметрий бросает тело Бассиана в ров, после чего Деметрий и

Хирон уходят, уводя силой Лавинию.

Тамора

Счастливый путь! Вы с нею обручитесь.

И пусть веселья сердцем не вкушу,

Пока с Андрониками не покончу.

Теперь пойду за милым мавром я.

Пусть эту тварь бесчестят сыновья.

(Уходит.)

Входят Арон с Квинтом и Марцием.

Арон

Сюда, друзья мои, прибавьте шагу:

Сейчас я приведу вас к страшной яме,

Где спящую пантеру подстерег.

Квинт

В глазах темнеет; это неспроста.

Марций

И у меня. Когда б не стыдно было,

я бросил бы охоту и заснул.

(Падает в яму.)

Квинт

Как, ты упал? Предательская яма,

Прикрытая терновником лесным!

На листьях - крови капли незасохшей,

Свежей росы поутру на цветах!

Зловещим кажется мне это место.

Брат, при паденье ты не пострадал?

Марций

От зрелища ужасного страдаю:

Изноет сердце, глядя на него!

Арон

(в сторону)

Теперь я государя приведу:

Найдя их здесь, сочтет он вероятным,

что брат его был ими умерщвлен.

(Уходит.)

Марций

Что ж не ободришь, не поможешь выйти

из окровавленной проклятой ямы?

Квинт

Я поражен необычайным страхом.

Дрожу, холодным потом весь облит,
И сердце чует больше, чем я вижу.

Марций

Чтоб убедиться, что ты чуешь правду,
С Ароном вместе в яму посмотри,
И ты увидишь ужас – кровь и смерть!

Квинт

Арон ушел, а состраданье в сердце
Не позволяет глазу видеть то,
В предчувствии чего оно трепещет.
Скажи, что там? Досель я не боялся
По-детски так, не зная сам чего.

Марций

Принц Бассиан окровавленной тушей
Лежит здесь, как зарезанный ягненок,
В проклятой, черной, полной крови яме.

Квинт

Но в темноте как ты узнал его?

Марций

На пальце окровавленном надет,
Бесценный перстень яму освещает;
Подобно факелу в гробнице, он
Землистые ланиты мертвеца
И недра взрытой ямы озаряет.
Так свет луны Пирама озарял,
Когда лежал он, весь в крови девичьей.
Брат, помоги рукою ослабевшей,
Коль ты от страха ослабел, как я.
Подняться из прожорливой трущобы,
Как устье мглистое Коцита, мерзкой,

Квинт

Дай руку мне, тебе я помогу;
Иль, если сил не хватит это сделать,
Я провалюсь в разверстую утробу
Той ямы, где схоронен Бассиан.
Я вытащить тебя наверх не в силах.

Марций

А я не в силах выйти без тебя.

Квинт

Дай руку вновь; не выпущу ее,
Пока тебя не вытащу наверх,
Иль окажусь внизу, с тобою вместе.
Ты не придешь, так я к тебе приду.
(Падает в яму.)

Входит Сатурнин и Арон.

Сатурнин

Идем, – взгляну я, что за яма эта
И кто тут спрыгнул только что в нее.
Скажи, кто ты, скрывающийся в черном
зияющем провале? Отвечай!

Марций

Несчастный сын Андроника, попавший
не в добрый час сюда, чтоб твоего
найти здесь брата, Бассиана, мертвым.

Сатурнин

Мой брат – здесь, мертвый? Шутишь ты, конечно,
Он в домике охотничьем с женой
на северной окраине загона
лишь час назад оставлен мною был.

Марций

Не знаем, где оставлен был живым,
но здесь, увы, он найден нами мертвым!
Входят Тамора со свитой, Тит Андроник и Люций.

Тамора

Где цезарь, мой супруг?

Сатурнин

Здесь, Тамора; но страждет он смертельно.

Тамора

А где же брат твой, Бассиан?

Сатурнин

до глубины исследуешь ты рану;

Лежит здесь бедный Бассиан, убит.

Тамора

(подавая письмо)

Я опоздала с роковым письмом,
Где этой ранней смерти план начертан.
Дивлюсь я, сколько лютости лицо
Скрывать умеет под улыбкой сладкой.

Сатурнин

(читает)

"Коль в час удобный мы его не встретим,
Охотник милый (речь о Бассиане),
Ты вырой сам могилу для него;
Ты понял нас. Ищи себе награду
В крапиве возле корня бузины,
Что осеняет ямы той отверстие,
Где мы зарыть решили Бассиана.
Исполни; в нас найдешь друзей навеки.
О Тамора! да слыхано ли это?

Вот яма здесь, а вот и бузина;
Ищите, не найдется ль и охотник,
Который должен был убийцей стать?

Арон

Мой государь, вот с золотом мешок.

Сатурнин

(Титу)

Твои щенки, породы кровожадной,
Лишили жизни брата моего.
Из ямы вытащив, в тюрьму их бросьте;
Пусть изнывают там, пока для них
Неслыханной не выдумаем казни.

Тамора

Как! В яме здесь они? Вот чудеса!
Как быстро обнаружилось убийство!

Тит

Великий император, на коленях
Молю тебя в слезах, - я редко плачу!
Проступок адский сыновей проклятых,
Проклятых, если б он доказан был...

Сатурнин

"Доказан был"! Смотри: он очевиден!
Кто, Тамора, письмо нашел? Не ты ль?

Тамора

Его нашел и поднял сам Андроник.

Тит

Я, государь. Дай мне их на поруки.
Гробницей предков, чтимой мной, клянусь:
Лишь повели - и тотчас же они
За подозренье вам заплатят жизнью.

Сатурнин

Ступай за мной; не дам их на поруки.
Убитого возьмите и убийц.

И пусть молчат - вина неоспорима.
Найдись конец, что горше смерти будет,
Клянусь, такой конец им уготован.

Тамора

Андроник, цезаря я упрошу;
Не бойся, - сыновья не пострадают.

Тит

Оставь их, Люций, и пойдем со мной.

Уходят. СЦЕНА 4 Другая часть леса.

Входят Деметрий и Хирон с обесчещенной Лавинией, у которой
отрублены руки и отрезан язык.

Деметрий

Ступай, рассказывай всем, если можешь,
кто отнял у тебя язык и честь.

Хирон

Пиши, что думаешь, чего желаешь;
Изображай с обрубками писца.

Деметрий

Смотри, что нацарапает значками.

Хирон

Спроси воды душистой вымыть руки.

Деметрий

Нет языка – спросить, ни рук – умыть.

Мы предоставим ей гулять в молчанье.

Хирон

На месте бы ее я удавился.

Деметрий

Будь руки у тебя, чтоб взять веревку.

Деметрий и Хирон уходят.

За сценой охотничьи рога.

Входит Марк в охотничьем костюме.

Марк

Кто здесь? Племянница? И прочь бежит?

Одно лишь слово: где же твой супруг?

О, если сплю, все дам я, чтоб проснуться!

Не сплю, – так пусть недобрая планета

Сразит меня, чтоб я заснул навек!

Скажи, чьи руки грубые так зверски

От стана отрубили твоего

Две ветви, сладостное украшеньё,

Под сенью чьей мечтали короли

Забиться сном, но счастья не снискали

Твоей любви. Но что же ты молчишь?

Увы! Ручей горячей алой крови,

Как водомет под ветром, то встает,

То падает меж уст окровавленных

Вслед за дыханьем сладостным твоим.

Тебя Терей, зная, некий обесчестил,

Язык отняв, чтоб выдать не могла.

Ах, вот, стыдясь, лицо ты отвращаешь.

О, несмотря на всю потерю крови,

Из трех отверстий бьющей, как из труб,

Оно зарделось, словно лик Титана,

Когда столкнется с облаками он.

Отвечу ль за тебя? Скажу ль – то правда?

О, если б сердце зная твое, зная зверя.

Чтоб душу облегчить, прокляв его!

Как печь закрытая, немое горе

Сжигает в пепел сердце, где живет.

Лишь языка лишилась филомела

И вышила рассказ свой на холсте.

Но у тебя возможность эту взяли,

Хитрейшего ты встретила Терей:

Он отрубил прекрасные персты,

Что выткали б искусней филомелы.

О! Если б изверг видел эти руки

Лилейные, когда они касались

На лире струн, как листья трепетавших

В восторженных и нежных поцелуях,

О нет, он отрубить бы их не смог!

Внимая же гармонии, творимой

Сладчайшим языком,

Заснуло б, выронив кинжал, как встарь

У ног фракийского поэта Цербер.

Пойдем со мной и ослепи отца:

Ведь он при зрелище таком ослепнет.

За час грозы затопятся луга,

За годы слез что станется с глазами?

Останься, будем вместе слезы лить,

Когда бы стон мог горе облегчить!

Уходят. АКТ III СЦЕНА 1 Рим. Улица.

Входят судьи, сенаторы и трибуны со связанными Марцием

и Квинтом, которых ведут на казнь; Тит идет впереди, умоляя.

Тит

Молю, сенаторы! Трибуны, стойте!

Из сожаленья к старику, чья жизнь

Прошла среди войн, пока вы мирно спали;

Во имя крови, пролитой за Рим,

Ночей морозных, проведенных в бденье,

И горьких этих слез, текущих ныне

По старческим морщинам на щеках,

Над осужденными сынами сжальтесь,
Чьи души не испорчены, поверьте!
О двадцати двух сыновьях не плакал,
На ложе чести умерли они;
Об этих же в пыли напечатлею
Тоску сердечную и скорбь души.
Пусть слезы жажду утолят земли;
Кровь сыновей краснеть ее заставит.
(Бросается на землю.)
Судьи и другие проходят мимо него и уходят.
Земля! Тебе я услужу дождем,
Струящимся из этих древних ура
Сильнее ливней юного апреля:
Я летом знойным орошу тебя,
Зимой снег я растоплю слезами
И вечную весну тебе доставлю,
Не пей лишь крови сыновей моих.
Входит Люций с обнаженным мечом.
О старцы благосклонные, трибуны!
Возьмите смертный приговор назад,
Пусть я, еще ни разу слез не ливший,
Скажу, что ныне слезы победили.
Люций
Отец мой, ты взываешь здесь напрасно:
Трибуны не услышат, все ушли,
И скорбь свою ты поверяешь камню.
Тит
За братьев, Люций, дай просить твоих.
Еще раз умоляю вас, трибуны...
Люций
Тебя не слышит ни один трибун.
Тит
Что в том? Не важно это, друг; и слыша,
Не вняли б мне, а если бы и вняли,
Не пожалели бы; но, хоть и тщетно,
Я должен умолять...
Вот почему я скорбь вверяю камням;
Пусть отозваться на тоску не могут,
Но лучше для меня они трибунов
Уж тем, что не прервут моих речей.
Когда я плачу, камни молчаливо
Приемлют слезы, словно плачут вместе;
И если бы их в тоги облачить,
Трибунов равных не нашлось бы в Риме.
О, камни – мягкий воск, трибуны тверже камней
Безмолвен камень, зла он не творит;
А ведь трибуны языком жестоким
Людей на смерть способны обречь.
(Поднимается на ноги.)
Но почему ты меч свой обнажил?
Люций
Двух братьев я хотел спасти от смерти,
Но за попытку эту вынес суд
Мне приговор: изгнание навеки.
Тит
Счастливец ты! Он услужил тебе.
Как, глупый Люций, разве ты не видишь,
Что Рим – пустыня, где живут лишь тигры?
Нужна добыча им; но в Риме нет
Для них добычи, кроме нас: как счастлив
Ты, изгнанный от хищников навек!
Но кто идет к нам вместе с братом Марком?
Входят Марк и Лавиния.
Марк
Твои глаза готовы ль плакать, Тит,
Иль сердце благородное – разбиться?
Смертельную тебе несу я муку.
Тит
Коль смерть она мне даст, приму ее!
Марк
Вот это дочь твоя была.

Тит

И есть.

Люций

Убит я тем, что вижу!

Тит

Встань, мальчик малодушный, и смотри.

О дочь моя! Лавиния! Скажи нам,

Скажи нам, чья проклятая рука

Тебя свирепо сделала безрукой?

Глупец! Он воду в море подливал,

Он поджигал пылающую Трою!

Достигла скорбь предела: ты пришла

Она, как Нил, из берегов выходит.

Где меч мой? Руки отрублю себе

За то, что Рим напрасно защищали;

Питая жизнь мою, вскормили скорбь,

С мольбою безуспешной простирались

И бесполезно послужили мне.

Одной лишь, требую от них услуги:

Чтоб мне одна другую отрубила.

Дочь, хорошо, что у тебя нет рук:

На службе Риму руки не нужны нам.

Люций

Прекрасная сестра моя, скажи нам:

кто страшное нанес тебе увечье?

Марк

Орудье усладительное мыслей,

Им выраженных с вялым красноречьем,

Из клетки ныне вырвано прелестной,

Где сладкогласной птицей распевало

И сладкозвучьем нам пленяло слух.

Люций

Сам за нее ответь: чье это дело?

Марк

Такой я повстречал ее в лесу,

Где в поисках убежища блуждала

Она, как насмерть раненная лань.

Тит

О лань моя! Тот, кто ее изранил,

Меня сильнее, чем смертью, поразил.

И я тому подобен, кто с утеса,

Пустыней моря окружен, следит

За нарастающим в волнах прибоем

И ждет, чтоб он его коварным валом

В своих соленых недрах поглотил.

Здесь сыновья мои прошли на казнь;

Вот здесь стоит мой третий сын, изгнанник;

Здесь брат мой плачет над моей бедою.

Но всех больнее дочь мне душу ранит,

Дочь милая, милей моей души,

Явись ты мне такой в изобраенье,

я б обезумел; что же делать мне,

когда тебя такой во плоти вижу?

Рук лишена, чтоб слезы отереть,

и языка, чтоб мне назвать злодея.

Супруг твой умер; братьев, обвиненных

в его убийстве, нет уже в живых.

Смотри-ка, Марк, ах, Люций, посмотри:

лишь братьев назвал, выступили слезы

Росой медовой на ее лице,

как на завядшей сорванной лилее.

Марк

О том ли плачет, что убит он ими,

Иль потому, что нет вины на них?

Тит

Будь рада, если ими он убит:

Закон свершил возмездие над ними.

Нет, в деле мерзостном они невинны:

О том сестры свидетельствует скорбь.

Дай, поцелую, милая, тебя,

Иль сделай знак мне, как тебя утешить.

Не сесть ли брату Люцию и дяде,
Тебе и мне, всем нам у водоема;
Склонясь над ним, смотреть на щеки наши.
Подобные лугам еще сырым
И в пятнах ила после наводнения;
И долго на воду смотреть, пока
Свой чистый вкус она не потеряет,
Соленой став от горьких наших слез?
Иль руки отрубить, как у тебя?
Иль, откусив нам языки свои,
Остаток дней проклятых провести?
Что делать нам? Пусть, языком владея,
Замыслим мы дальнейшие несчастья,
Чтоб в будущем все удивлялись нам.
Люций

Отец, не надо слез; при виде их
Несчастливая сестра моя рыдает.

Марк

Терпи, племянница. – Тит, вытри слезы.

Тит

Ах, Марк, мой Марк! Прекрасно знаю, брат:
Платок твой слез моих впитать не может;
Своими ты, бедняк, его смочил.

Люций

Лавиния, тебе я вытру щеки.

Тит

Смотри-ка, Марк! Я понял знак ее.
Имей она язык, она бы брату
Сказала то же, что и я тебе:
Его платок, его слезами смочен,
Ее заплаканных не вытрет щек.
Единодушны мы среди мучений,
Как ад – блаженству, чужды утешений!
Входит Арон.

Арон

Андроник! Государь мой цезарь шлет
Приказ свой: если сыновей ты любишь,
Пусть Люций, Марк иль сам ты, старый Тит,
Любой из вас, – себе отрубит руку
И цезарю пошлет, а он за это
Тебе вернет живыми сыновей.
То будет выкуп их за преступленье.

Тит

О добрый цезарь! Милый мой Арон!
Певал ли ворон с жаворонком сходно,
Несущим о восходе солнца весть?
Всем сердцем рад я государю руку
Послать.

Арон, ты мне ее отсечь поможешь.

Люций

Постой, отец мой! Доблестную руку,
Сразившую бесчисленных врагов,
Нельзя послать; моя в обмен послужит:
Кровь легче в юности нам расточать;
Так пусть моя спасает братьям жизнь.

Марк

Не каждая ль из ваших рук за Рим
Кровавую секиру поднимала,
Смерть начертав на вражеских стенах?
За каждой есть высокие заслуги,
Моя ж осталась праздною. Пусть послужит
За жизнь невинных выкупом она;
Ее сберег я для достойной цели.

Арон

Решайте же, чью руку отрубить,
Не то умрут, не получив прощенья.

Марк

Пошлем мою.

Люций

Ее мы не пошлем!

Тит

Друзья, не будем спорить: подобает
Засохшие растенья вырывать;
А посемя мою рубите руку.

Люций

Отец мой милый, если я твой сын,
дай мне от смерти выкупить двух братьев.

Марк

Нет, в честь отца и материнской ласки
дай доказать мне братнюю любовь.

Тит

кончайте сговор! Сохраню я руку.

Люций

Я принесу топор.

Марк

Я в ход пушу топор.

Люций и Марк уходят.

Тит

Я их обоих обману; дам руку
Тебе, Арон, но помоги своею.

Арон

(в сторону)

Коль это звать обманом, - буду честным
И никогда не обману я так.

Но по-другому обману я вас,
С чем согласитесь, не пройдет и часа.

(Отрубают руку Титу.)

Входят Люций и Марк.

Тит

Оставьте спор наш: должное свершилось.

дай эту руку цезарю, Арон:

Скажи, что ей обязан он спасеньем
от тысяч бед; пусть он ее схоронит,

Хотя достойна большего она.

Скажи, что сыновей цену не меньше

Алмазов, дешево приобретенных,

И вместе дорогого: свое купил я.

Арон

Иду, Андроник, и взамен руки

Жди с сыновьями скорого свиданья,

(в сторону)

Верней - с их головами. О, я сыт

Одной лишь мыслью о злодействе этом!

Кто чист и глуп, утешен добрым делом;

я ж буду черен и душой и телом.

(Уходит.)

Тит

Я воздеваю руку к небесам,

Обрубок жалкий долу опуская;

коль сила есть, что тронется слезами,

взываю к ней.

(Лавинии.)

Стать хочешь на колени?

Стань, милая, мольбы услышит небо,

Иль вздохами затмим мы небосвод

И солнце затуманим, словно тучи,

когда его объемлет лоно их.

Марк

О брат мой, рассуждай благоразумно

и так глубоко в крайность не впадай.

Тит

Не глубока ли скорбь, коль дна ей нет?

Так пусть отчаянье бездонным будет.

Марк

Но жалобой пусть разум управляет.

Тит

когда бы в этих бедах разум был,

я заключил бы скорбь свою в границы.

Заплачет небо, - залита земля;

Вихрь забушует, - обезумев, море

Грозится небу вздувшимся челом.

А ты разумности в смятенье ищешь?

Я – море; слышишь, как оно вздыхает?
Оно, как небо, плачет; я – земля;
Меня, как море, вздох ее волнует;
Меня, как землю, слез его поток
Потопом заливает, наводняя;
Я не могу вместить его скорбей.
Как пьяница, я должен их извергнуть.
Оставь меня: кто много потерял,
Тот горькой речью облегчает сердце.
Входит гонец, неся две головы и руку.
Гонец

Андроник, плохо ты вознагражден
За руку, посланную государю.
Вот головы двух сыновей твоих,
И руку шлют тебе назад с насмешкой.
Забавно горе им, смешна решимость.
Скорблю сильнее я о твоих скорбях,
Чем вспоминая об отце умершем.
(Уходит.)

Марк
Пусть Этны жар в Сицилии остынет,
В моем же сердце запылает ад!
Несчастья эти выше наших сил.
Кто плачет с нами, нашу боль смягчает;
Осмеянное горе – смерть вдвойне.

Люций
Ах, это зрелище так тяжко ранит,
А все проклятой жизни пет конца!
Пусть жизни смерть свое уступит имя,
Раз в жизни благо лишь одно – дышать!
Лавиния целует тита.

Марк
Бедняжка, безотраден поцелуй:
Вода студеная земле замерзшей.

Тит
Когда же сну жестокому конец?

Марк
Не обольщай себя; умри, Андроник!
Не сновиденье это; посмотри
Вот головы двух сыновей твоих,
Твоя рука, и дочь твоя – калека,
И третий сын – изгнанник, смертно-бледный
При этом зрелище, и я, твой брат,
Как изваянье, хладный и недвижимый.
Ах! Сдерживать не стану скорбь твою:
Рви серебро седин своих, и руку
Грызи зубами в ярости, и пусть
При страшном этом зрелище навеки
Сомкнутся наши скорбные глаза!
Теперь безумствуй. Что же ты затих?

Тит
Ха-ха-ха!

Марк
Что ты смеешься, Тит? Не время смеху.

Тит
Нет больше слез, чтоб плакать, у меня.
К тому же горе – враг и завладеть
Глазами, влагой полными, желало б,
Чтоб ослепить их данью слез моих.
Но как найду тогда берлогу мести?
Все мнится, головы мне говорят,
Грозя, что не достигну я блаженства,
Пока все злодеянья в глотки тех,
Кто учинил их, вновь не возвратятся.
Подумаем – решим, что делать мне.
Несчастные, вокруг меня вы встаньте,
Чтоб каждому из вас душой поклясться
Я мог отмстить за зло, я клятву дал.
Возьми же, брат, одну из двух голов;
Своей рукой я понесу другую.
Ты, дочь, участие в этом примешь тоже:

Ты эту руку понесешь в зубах.
А ты ступай, мой мальчик, удались;
Изгнанник ты и здесь не должен медлить.
Отправься к готам, набери войска.
И, если любите меня, как верю,
Обнимемся, пойдем. Нас ждут дела.
Уходят все, кроме Люция.

Люций

Прощай, Андроник, мой отец достойный,
Несчастнейший из всех, кто в Риме жил!
Прощай, надменный Рим. Вернется Люций:
В залог остались те, кем был он жив.
Прощай, Лавиния, сестра моя.
О, если б ты была такой, как прежде!
И Люций и Лавиния живут
В забвенье ныне и в жестоких муках.
Но отомщу я, если буду жив:
Пусть Сатурнин с женою у ворот
Здесь молят, как Тарквиний с королевой.
Теперь же - к готам: собирать войска,
Чтоб Риму отомстить и Сатурнину.
(Уходит.) СЦЕНА 2 Зала в доме Тита. Накрытый стол.
Входят Тит, Марк, Лавиния и Люций Младший - мальчик.

Тит

Садитесь же; смотрите, есть не больше,
Чем следует, чтоб силы поддержать
Для мщения за горькие обиды.
Марк, разомкни сплетенье скорбных рук;
И дочь и я - безрукие страдальцы,
И выразить не можем тяжкой боли,
В отчаянье заламывая руки.
Ты видишь, только правая рука
Осталась у меня, чтоб грудь терзать.
И, если сердце, обезумев с горя,
Забьется здесь, в глухой темнице плоти,
Вот так стучу по нем.

(Лавинии.)

Ты, образ скорби, говоришь без слов!
Но коль неистово забьется сердце,
Ударом в грудь его не усмирить.
Рань сердце вздохом, стонами убей;
Иль в зубы ножик небольшой возьми
И возле сердца сделай им отверстие,
Чтоб слезы все, текущие из глаз,
Струились в сток и скорбного безумца
Своей соленой влагой затопили.

Марк

Стыдись! Так дочь ты учишь налагать
На жизнь свою насильственные руки?

Тит

Ты заговариваться стал от горя!
Нет, Марк, безумным должен быть лишь я.
Как может руки наложить она?
О, для чего ты молвил слово: руки!
Энея ль принуждать, чтоб гибель Трои
И скорбь свою поведал дважды он?
Руководись иным, не трогай руки,
Чтоб не напомнить, что у нас их нет.
О стыд! Я речь слагаю, как безумец!
Как будто мы забыли б, что безруки,
Не повтори брат Марк нам слово: руки!
Давайте есть. Отведай это, дочь.
Здесь нет питья! Марк, слушай, дочь сказала.
Толкую я страдальческие знаки,
Сказала: нет питья ей, кроме слез,
От горя накипевших на щеках.
Хочу понять страдальцу немую
И выучить движенья наизусть.
Как нищие отшельники молитву:
Вздохнешь ли ты, обрубки ль к небу вскинешь
Мигнешь, кивнешь иль станешь на колени,

Из жестов всех составить алфавит
И научиться понимать все мысли.

Люций Младший

Брось, дедушка, ты сетовать так горько,
Развесели забавной сказкой тетю.

Марк

Увы, мой нежный отрок, – он растроган
И плачет, видя огорченье деда.

Тит

О нежный отпрыск! Создан ты из слез,
И слезы скоро жизнь твою растопят.

Марк ударяет по блюду ножом.

Что ты ударил, Марк, своим ножом?

Марк

То, что убил я, брат мой: это муха.

Тит

Убийца! Сердце мне ты убиваешь...

Мой взор пресыщен видом всяких зверств:

Нет, не пристало Марку, брату Тита,

Убить невинного. Уйди отсюда:

Мы, видно, не товарищи с тобой.

Марк

Увы! убита мной всего лишь муха.

Тит

А если мать с отцом у мухи были?

Как золотые крылышки повесят

И жалобно в пространство зажуужат!

Бедняжка муха!

Жужжаньем мелодическим потешить

Явилась к нам, – а ты убил ее.

Марк

Прости, – была противной, черной муха,

Как мавр Арон, – и я убил ее.

Тит

О-о-о!

Тогда прости, что упрекал тебя:

Ты, значит, совершил благодеянье.

Дай мне твой нож, натешусь я над нею,

Вообразив себе, что это мавр,

Чтоб отравить меня, сюда явился!

Так вот тебе! За Тамору теперь!

Ах, подлый!

Надеюсь я, не так мы низко пали,

Чтоб мухи не убить нам, если муха,

Как уголь, черным мавром мнится нам.

Марк

Увы, бедняк так горем поражен,

Что призраки за правду принимает.

Тит

Убрать все со стола! – К тебе пойдём,

Лавиния, и вместе мы прочтем

О старине печальные сказанья.

Идем со мной, мой мальчик; зреньем юный,

Читай, когда начнет слабеть мое.

Уходят. АКТ IV СЦЕНА 1 Рим. Сад Тита.

Входят Люций Младший и Лавиния, которая преследует его;

мальчик, с книгами под мышкой, убегает от нее. Затем входят Тит и

Марк.

Люций Младший

На помощь, дедушка, на помощь! Тетя

Преследует меня – зачем, не знаю.

О дядя, посмотри, она бежит!

Мне страшно; я не знаю, что ей надо...

Марк

Встань, Люций, подле нас, не бойся тети.

Тит

Она тебя, мой мальчик, нежно любит,

И зла тебе не сделает она.

Люций Младший

Любила – да, когда отец был в Риме.

Марк

Что хочет знаками сказать она?

Тит

Не бойся, милый Люций. В самом деле,
Она как будто что-то затевает:
Смотри, как около тебя хлопочет;
Куда-то хочет увести тебя.
Ах! Сыновьям Корнелия читала
Не так усердно, как она тебе,
Стихи и книгу Туллия "Оратор".

Марк

Ты отгадал, что от тебя ей нужно?

Люций Младший

Не знаю, не могу и отгадать;
Безумье, верно, ею овладело.
Я слышал, дедушка так говорил:
Чрезмерность горя делает безумным.
И я читал, - троянская Гекуба
От горя помешалась. Потому
И стало страшно мне, хоть знаю - тетя
Меня так любит, как любила мать,
И, не сойдя с ума, пугать не стала б.
Вот почему бежал я, бросив книги,
Напрасно, может быть. Прости мне, тетя;
И если с нами дядя Марк пойдет,
Тогда и я пойду с тобой охотно.

Марк

Идем же, Люций.

Лавиния своими обрубками перебирает книги, которые уронил Люций.

Тит

Ну что, Лавиния? - В чем дело, Марк?

Какую-то из этих книг ей нужно.

Которую же, дочь? - Раскрой их, мальчик.

Но ты читала больше, больше знаешь,

Найди же нужную среди книг моих

И горе позабуди, пока нам небо

Проклятого злодея не открыло.

Но почему она таким движеньем

Поочередно руки поднимает?

Марк

Мне кажется, ей хочется сказать,

Что не один в содеянном виновен,

А может быть, она вздымает руки,

Взывая об отмщенье, к небесам...

Тит

Но что за книгу треплет так она?

Люций Младший

Овидий это, матушкин подарок,

"Метаморфозы".

Марк

Любовь к умершей, может быть, внушилась...

Тит

Ты видишь, как листы перебирает?

Помочь бы ей...

Что хочет отыскать? - Прочешь тебе

Трагический рассказ о Филомеле,

Предателе Терее и насилье;

Боюсь, - в том корень и твоей беды.

Марк

Смотри, смотри, мой брат, с каким волненьем

Она глазами пожирает строки!

Тит

Была ль постигнута ты так же, дочь,

И обещана, как Филомела,

В дремучем и безжалостном лесу?

Смотри!

То место, где охотились мы вместе,

О, лучше б не охотились мы там!

Вот здесь оно описано поэтом,

Природой созданное для злодейств.

Марк

Не создала б она такой трущобы,

Не возлюби трагического боги!

Тит

Дай знак нам, милая, – здесь все друзья,
Кто из патрициев пошел на это?
Иль Сатурнин прокрался, как Тарквиний,
Покинувший свой стан, чтобы на ложе
Лукрецию бесчестьем осквернить?

Марк

Садись, племянница; брат, сядь. – О боги,
Паллада, Аполлон, Юпитер строгий,
Внушите, как предательство раскрыть!
Смотри-ка, брат, – Лавиния, смотри:
Песок здесь гладкий, вслед за мной попробуй
Водить вот этим.
(Пишет свое имя тростью, держа ее во рту и направляя ногами.)
Имя здесь свое

Я написал, не пользуясь руками.

Будь проклят тот, кто прибегать к уловкам

Принудил нас! – Попробуй написать

И ты, племянница, и нам поведай,
Что бог судил разоблачить для мщенья.

О, да поможет бог напечатлеть

Рассказ плачевный о твоих невзгодах,

Чтоб мы узнали правду о злодеях!

Лавиния берет трость в рот и, направляя ее своими обрубками, пишет.

Тит

Прочел ты, брат, что написала дочь?

"Stuprum. Chiron. Demetrius".

{"Изнасилование. Хирон. Деметрий".}

Марк

Как! Таморы распутные сыны

Виновники кровавого злодейства?

Тит

Magni Dominator poli,

Tarn lentus audis scelera? Tarn lentus vides?

{Великий властелин мира, столь терпеливо
внемлешь ты злодействам? Столь терпеливо
взираешь на них?}

Марк

Брат, успокойся, хоть и знаю я:

Здесь на земле начертано довольно,

Чтоб возмутить кротчайшие умы

И громкий вопль исторгнуть у младенцев.

Мой брат, Лавиния, – все на колени!

И ты, мой мальчик, в ком надежду видит

Наш римский Гектор! – Поклянемся все,

Как Юний Брут с отцом и мужем жертвы

Насилия – Лукреции невинной,

Что будем мы осуществлять упорно

Жестокою злодеям-готам месть,

Что мы их кровь увидим иль умрем

С позорной мыслью, что не отомстили.

Тит

Все это так, когда б я знал как взяться;

Но, медвежат затронув, берегись:

Проснется матка их, тебя почуяв,

Со львом в союзе, на спине валяясь,

Заигрываньем усыпит его

И сделает тогда, что пожелает.

Марк, ты неопытный охотник: брось!

Я медный лист возьму и острой сталью

На нем слона вот эти напишу

И сохраню их. Северные ветры

Песок развеют, как листья Сивиллы,

И где ж урок твой? – Что ты скажешь, мальчик?

Люций Младший

Скажу я, дед, что, будь мужчиной я,

И матери их спальня не укрыла б

Рабов негодных римского ярма.

Марк

Да, мальчик мой! Так делал твой отец

Не раз для родины неблагодарной.

Люций Младший

И я так сделаю, коль буду жив.

Тит

Пойдем со мной, и в оружейне, Люций,
я снаряжу тебя; затем, мой мальчик,
Снесешь ты сыновьям императрицы
Мной предназначенные им подарки.
Пойдем, пойдем. Исполнишь порученье?

Люций Младший

Да, дедушка, всадив им в грудь кинжал.

Тит

Нет, мальчик, научу тебя другому.
Ступай же, дочь. – Марк, присмотри за домом,
Идем мы подвизаться при дворе;
Да, право так, и примут нас с почетом.
Тит, Лавиния и Люций Младший уходят.

Марк

О небо! Слыша праведника стоны,
Не тронешься, не сжалишься над ним?
Марк, будь ему, безумному, опорой!
На сердце больше шрамов у него,
Чем на щите его зарубок вражьих.
Но столь он праведен, что мстить не станет.
О небо, за Андроника отмсти!

(Уходит.) СЦЕНА 2 Рим. Зала во дворце.

Входят с одной стороны – Арон, Деметрий и Хирон, с другой
Люций Младший и слуга, несущий связку оружия с написанными
на нем стихами.

Хирон

Деметрий, вот сын Люция пришел;
Какое-то принес он порученье.

Арон

Безумен дед, безумно порученье.

Люций Младший

От имени Андроника смиренно
Приветствую я, принцы, вашу честь.
(В сторону.)

И у богов вам гибели молю.

Деметрий

Благодарю. Что у тебя за новость?

Люций Младший

(в сторону)

Что вас разоблачили – вот вам новость,
Как злых насильников.

(Громко.)

Не обессудьте;

Мой дедушка послал через меня
Вам лучшее оружие от себя,
Им жалуя в вас юношей достойных,
Надежду Рима, – как велел сказать,
Я так и говорю, – чтоб ваша милость
В подарках этих в случае нужды
Имела все оружие и доспехи.

С тем вас оставлю,

(в сторону)

подлецов кровавых!

Люций Младший и слуга уходят.

Деметрий

Что это? Свиток; весь кругом исписан!

Прочтем...

(читает.)

"Integer vitae, sceleris que purus,
Non eget Mauri jaculis, nec arcu".
{ "Тот, кто живет честно и чужд беззакония,
не нуждается ни мавританских копьях, ни в луке". }

Хирон

Стих из Горация; знаком он мне:
В грамматике читал его когда-то.

Арон

Стих из Горация, он самый, точно.

(В сторону.)

Однако вот что значит быть ослом!
Здесь не до шуток! Их разоблачив,
Старик им шлет оружие со стихами,
Разящими помимо их сознания.
Будь хитрая императрица наша
Сейчас здорова, сразу бы она
Андроника затею оценила,
Но надо дать покой ей в беспокойстве.
(Громко.)

Арон

Ну, принцы, не счастливая ль звезда
В Рим привела нас, иноземцев пленных,
Чтоб возвести на эту высоту?
Не счастье ль было – у ворот дворца
Трибуну вызов бросить перед Титом?

Деметрий

Не счастье ль видеть, как вельможа важный,
Заискивая, шлет подарки нам?

Арон

Иль оснований нет к тому, Деметрий?
Не дружески ль вы с дочкой обошлись?

Деметрий

Пусть тысяча б красавиц римских пала.
Затравлена, чтоб утолить нам страсть.

Хирон

В желанье том – любовь и милосердие.

Арон

Нет только матери – сказать; аминь.

Хирон

Сказала б то же, будь их двадцать тысяч.

Деметрий

Пойдем и станем всем богам молиться
За матушку в мученьях родовых.

Арон

(в сторону)

Чертям молитесь, – боги нас забыли.
За сценой трубы.

Деметрий

Что трубы цезаря нам возвещают?

Хирон

Рожденью сына радуется он.

Деметрий

Тсс... Кто идет?

Входит кормилица с черным ребенком на руках.

Кормилица

День добрый, принцы.

Вы не видали, где Арон-арап?

Арон

Раб, или господин он, иль никто,
Вот здесь Арон: что нужно от Арона?

Кормилица

О дорогой Арон, мы все погибли!

Спасай, иль горе вечное тебе!

Арон

Ну, что еще тут за концерт кошачий?

Что кутаешь и тискаешь в руках?

Кормилица

Что скрыть хотела бы от взоров неба,

Императрицын стыд, бесчестье Рима!

Ах, принесла она, ах, принесла.

Арон

Что? и куда?

Кормилица

Куда? В постель! Ребенка!

Арон

Дай бог ей счастья. Кто ж ей послан богом?

Кормилица

Да черт.

Арон

Ну что ж! Мать чертова она!

Счастливым вывод.

Кормилица

Выводок дурной

Неладный, черный, гадкий, будто жаба,

Среди породы белой наших стран.

Императрица шлет тебе твой оттиск,
Чтоб острием кинжала окрестить.

Арон

Черт побери! Чем черный цвет так плох?

Морданчик милый, славненький цветочек!

Деметрий

Что сделал ты, подлец?

Арон

Тебе того не переделать.

Хирон

Бед матери наделал.

Арон

Ее лишь матерью я сделал.

Деметрий

И этим, чертов пес, ей бед наделал.

Будь проклят выбор мерзостный ее!

Проклятье дьявольскому порождению!

Хирон

Он жить не должен.

Арон

Нет, он не умрет.

Кормилица

Так надлежит, Арон: так мать желает.

Арон

Как - надлежит? Так пусть никто другой,

Сам плоть и кровь свою предам я смерти.

Деметрий

Я головастика проткну мечом.

Дай мне его: покончу с ним я скоро.

Арон

Скорей я выпущу тебе кишки.

(Берет ребенка у кормилицы и обнажает меч.)

Прочь, подлецы! Убить хотите брата?

Но светочами я клянусь небес,

Сиявшими, когда зачат был мальчик,

Тот под мечом моим умрет, кто тронет

Наследника и первенца Арона!

Вам говорю, юнцы: ни Энкелад

С исчадьями грозящими Тифона,

Ни славный сам Алкид, ни бог войны

Его не вырвут из отцовских рук.

Мальчишки, выбелены вы, как стены,

Как вывески кабачные, пестры!

Цвет черный лучше всех других цветов:

Он отвергает все цвета другие.

Не обелить всем водам океана

Вовеки черных лебединых лап,

Хоть он их омывает непрестанно.

Скажи императрице, - я не мальчик:

Свое возьму; пусть делает как знает.

Деметрий

Ты хочешь госпожу свою предать?

Арон

То госпожа моя, а это - сам я;

Подобье юности моей и сила.

Я это миру предпочту всему,

Я это миру вопреки спасу,

Иль поплатиться вам придется в Риме.

Деметрий

Осрамлена навеки этим мать.

Хирон

Рим заклеяет ее позор презреньем.

Кормилица

И в гневе цезарь обречет на смерть.

Хирон

При мысли о бесчестье я краснею.

Арон

В том преимущество всех вас, красавцев:
Коварный цвет! Он краской выдает
Поступки скрытые и тайны сердца!
Вот паренек, окрашенный иначе:
Плутиска улыбается отцу,
Как будто молвя: "Старина, я твой".
Он брат ваш, принцы: той же кровью вскормлен,
Которая дала вам прежде жизнь;
Из той же заключавшей вас утробы
Освободясь, явился он на свет;
Так, он ваш брат с вернейшей стороны,
Хоть на лице мою печать он носит.

Кормилица

Арон, что я скажу императрице?

Деметрий

Решай, Арон, что делать надлежит:
Мы под твоим подпишемся решением.
Спаси дитя так, чтоб мы все спаслись.

Арон

Присядем и давайте все обсудим.
Нам с сыном лучше быть настороже:
Садитесь-ка подальше, и давайте
Про безопасность нашу толковать.
Они сядутся.

Деметрий

А сколько женщин видело ребенка?

Арон

Так, молодцы! Когда мы все в ладу,
Ягненок я; но лишь заденьте мавра,
Ни бешеный кабан, ни львица гор,
Ни океан, вздымающийся бурно,
С неистовством Арона не сравнятся.
Но кто ж ребенка видел? Отвечай!

Кормилица

Корнелия-повитуха, я сама,
Да кто ж еще? - Одна императрица.

Арон

Императрица, бабка, ты сама...
Хорош секрет, коль третьего в нем нет.
Ступай скажи о том императрице.
(Закалывает кормилицу.)

куви! куви!

Вот так визжит пред вертелом свинья. Деметрий
Что ты, Арон! Зачем ты это сделал?

Арон

Принц, осторожностью поступок вызван.
В живых оставить - выдала бы нас
Болтливым длинным языком. Нет, принцы!
Узнайте же намеренье мое:
Мулей, земляк мой, близко здесь живет;
Его жена вчера лишь разрешилась.
Дитя - в нее и белое, как вы.
Дав золота жене, вы с ним столкнитесь
И расскажите все подробно им:
Как через то возвысится ребенок,
И цезаря наследником он станет
За моего, подмененного им,
Чтоб успокоить при дворе грозу;
И пусть с этим цезарь нянчится, как с сыном.
Смотрите, принцы, я ей дал лекарство,
(показывая на кормилицу)

А вы устройте похороны ей;
Поля вблизи, вы ловкие ребята.
Покончив с этим, не теряйте время,
Сейчас же присылайте бабку мне.
А раз кормилицу и бабку сбудем,
Пусть женщины болтают что хотят.

Хирон

Ты тайны, вижу, на ветер не бросишь,
Арон.

Деметрий

За мать и за вниманье к ней
Премного мы обязаны тебе.
Деметрий и Хирон уходят, унося тело кормилицы.

Арон

Теперь быстрее ласточки я – к готам:
Пристроить там сокровище мое
И Таморы друзей увидеть тайно.
Я унесу тебя, мой толстогубый;
Ведь это ты толкнул пас на уловки.
Кормиться будешь ягодами ты,
Кореньями, плодами, творогом,
Сосать козу, и жить в пещере будешь,
И станешь воином и полководцем.
(Уходит.) СЦЕНА 3 Площадь.

Входит Тит, неся стрелы, к концам которых прикреплены записки
с ним Марк, Люций Младший и другие патриции
(Публий, Семпроний и Кай) с луками.

ТИТ

Сюда, мой Марк, сюда. – Друзья, вот здесь.
Ну, покажи свою стрельбу мне, мальчик.
Потуже натяни, – достигнет цели.
Terras Astraea reliquit {Астрея покинула землю.}.

Марк, помнишь ты – она бежала, скрылась.

Ну, примемся за дело. Вы, друзья,
Измерьте океан, закиньте сети:
Поймаете ее, быть может, в море,
Хоть там не больше правды, чем на суше.

Нет, Публий и Семпроний, вы должны
Лопатой и заступом рыть землю
И прорубиться в самый центр ее;
А вступите в Плутонино владенье,
Не откажите передать прошение;
Сказать, что помощи и правосудья
Старик Андроник просит у него,
Что страждет он в неблагодарном Риме.

О Рим! Тебя несчастным сделал я
В тот час, как отдал голоса народа
Тому, кто ныне так жесток ко мне.
Ступайте и внимательнее будьте,
Военные суда все обыщите:
Преступный цезарь мог сослать ее
И правды ищем мы, что ветра в поле.

Марк

О Публий мой, не тяжело ли видеть
В таком расстройстве дядю твоего?
Публий

И потому, отец, и днем и ночью
Нам следует заботиться о нем
И потакать причудам всем его,
Пока не сыщем средства к исцеленью.

Марк

Друзья, его скорбям нет исцеленья.
Соединимся с готами; войной
Отплатим Риму за неблагодарность
И Сатурнину лживому отмстим.

ТИТ

Ну что же, Публий? Что, друзья мои?
Вы не нашли ее?

Публий

Нет, но Плутон велел тебе сказать,
Что просьбу о возмездье ад исполнит;
Астрея же так занята на небе
С Юпитером иль где-нибудь еще,
Что подождать еще тебе придется.

ТИТ

Увы, меня отсрочками он кормит!
Я в огненное озеро нырну
И вытащу ее из Ахерона.
Марк, лишь кустарник, а не кедры мы;
Костяк наш сделан не под стать циклопам.

Но мы – металл, мы сталь вплоть до спины,
Хоть от обид спина разбита, гнется.
И если правды нет в аду, ни здесь,
Мы к небу обратимся: пусть нам боги
Для мщенья правосудье ниспошлют.
За дело! Ты стрелок хороший, Марк.
(Раздает им стрелы.)

Ad Iovem – это вам; вот – ad Apollinem;
Ad Martem – для меня;

{Юпитеру... Аполлону... Марсу.}

Меркурию, Палладе это, мальчик;
Сатурну это, Кай, не Сатурнину:
Ты б на ветер пустил свою стрелу.
Когда скажу я, Люций, Марк, – стреляйте!
Поверьте, я обдуманно писал:
Мной из богов никто не обойден.

Марк

Друзья, пускайте во дворец все стрелы:
Мы цезаря в гордыне уязвим.

Тит

Теперь стреляйте!

Они стреляют.

Славно, Люций! В лоно

Ты Девы угодил: теперь – в Палладу.

Марк

Брат, целюсь я на милю за Луну;

Твое письмо уж получил Юпитер.

Тит

О Публий, Публий, что же ты наделал?

Смотри, смотри, ты рог отбил Тельцу.

Марк

Брат, вот потеха: выстрелил наш Публий,

И Бык, задетый, Овна так боднул,

Что во дворец рога бараньи сбросил.

Кто ж их нашел? Подлец императрицын.

Она же – рассмеялась и велела

Их цезарю в подарок поднести.

Тит

В час добрый! Дай бог радость государю!

Входит деревенский парень, неся корзину с парой голубей.

Весть! С неба весть! Вот почта, Марк, пришла!

Что нового, приятель? Нет ли писем?

Добьюсь ли правды? Что сказал Юпитер?

Парень

Кто? Палач Питер? Он говорит, что разобрал виселицу, потому что молодчика
будут вешать не раньше будущей недели.

Тит

Я спрашиваю тебя: что сказал Юпитер?

Парень

Виноват, сударь! С господином Юпитером я не знаком; отродясь не выпивал с
ним.

Тит

Как, плут, разве ты не разносишь письма?

Парень

Сударь, я разношу только своих голубей.

Тит

Как, разве ты не явился с небес?

Парень

С небес? Виноват, сударь, никогда там не был. Упаси боже, я не такой
смельчак, чтобы в мои молодые годы торопиться на небо. Я иду со своими
голубями к народному т_р_е_п_у_н_у, чтобы уладить ссору между моим дядей и
одним из и_м_п_е_р_ь_я_л_ь_с_к_и_х слуг.

Марк

Брат, вот самый подходящий случай, чтобы передать твоё послание; и пусть он
поднесет императору голубей от твоего имени.

Тит

Скажи, можешь ли ты учтиво передать императору это послание?

Парень

По правде говоря, нет, сударь; насчет чтива я всю жизнь свою был очень
слаб.

Тит

Поди сюда. Не рассуждай, приятель,
Но цезарю ты голубей вручи,
И чрез него найдешь ты правосудье.
Возьми пока; здесь деньги за услугу.

Перо мне и чернил!
Вручить учтиво можешь ты прошение?
Парень

Да, сударь.

Тит

Вот тебе прошение. И когда ты придешь к императору, ты прежде всего должен
преклонить колени; потом поцеловать ему ногу: потом вручить ему твоих
голубей и затем ожидать награды; я буду. сударь, поблизости; постарайся же
исполнить все как следует.

Парень

Ручаюсь, сударь; положись на меня.

Тит

Есть нож с тобою? Покажи-ка мне.
Вот, Марк, возьми и заверни в посланье:
Его писал смиренный челобитчик.

(Парню.)

Когда же цезарю все передашь,
Зайди ко мне, скажи, что он ответил.

Парень

Храни тебя бог, сударь; приду.

(Уходит.)

Тит

Идем же, Марк. - За мною следуй, Публий.

Уходят. СЦЕНА 4 Рим. Перед дворцом.

Входят Сатурнин, Тамора, Деметрий, Хирон, патриция
и другие. У Сатурнина в руках стрелы, пущенные Титом.

Сатурнин

Не оскорбленье ль это? Кто видал,
чтоб в Риме цезарю так досаждали,
Противоречили; за правый суд
к нему с таким презреньем относились?

Известно вам, как и богам всесильным,

что ни шептали бы смутьяны там

народу в уши, - по закону были

Андроника мятежные сыны

осуждены. И если огорченье

рассудок повредило в нем, - ужели

должны мы выносить его причуды,

Припадки бешенства и раздраженья?

Теперь он пишет к небесам прошения:

Юпитеру, Меркурию. Смотрите:

Вот - богу Аполлону, вот - Аресу...

Как раз летать им в Риме, этим свиткам!

Ведь это клевета на наш сенат

и обвинение в неправосудье!

Прекрасная, не правда ли, забава?

Как будто в Риме правосудья нет!

Пока живу я, мнимому безумью

прикрыть оскорблений не бывать!

Пусть знает он, что мною правосудье

живет и совершается. Не надо

его будить, когда оно задремлет:

Оно способно в ярости казнить

мятежника надменнейшего в мире.

Тамора

Мой государь, мой милый Сатурнин,

Владыка дней моих, властитель мыслей,

Не гневайся на старца, чьи проступки

печалью вызваны о сыновьях,

потеря их ему пронзила сердце,

и лучше утоли его печали,

чем знатного иль низкого карать

за оскорбления.

(В сторону.)

Так подобает

высокоумной Таморе всем льстить.

Тит, ранен мной, ты кровью истекаешь;

И, если будет мой Арон разумен,
Все спасено, в порту наш якорь брошен.
Входит деревенский парень.
Ты что, приятель? Ты по делу к нам?
Парень
Ну да, похоже на то, коль вы – господин Имперьял.
Тамора
Императрица я; вот император.
Парень
Он это. – дай тебе бог и святой Стефан доброго вечера. Я принес тебе письмо
и пару голубей.
Сатурнин
(читает письмо)
Эй, взять его и тотчас же повесить!
Парень
А сколько мне отвесят?
Тамора
Ступай, повешен будешь
Парень
Повешен? Святая дева, славный же конец я уготовил своей шее!
(Уходит под стражей.)
Сатурнин
Жестокие, несносные обиды!
Чудовищную подлость допущу ль?
Известно мне, откуда все исходит.
Стерплю ли? – Будто б сыновья его
Не по закону за убийство принца,
По произволу мною казнены!
Эй, за волосы притащить мерзавца:
Ни сан его, ни годы не спасут.
Я палачом твоим за дерзость буду.
Притворщик подлый, ты меня возвысил
В надежде Римом управлять и мной!
Входит Эмилий.
Что нового, Эмилий?
Эмилий
К оружию! В опасности наш Рим!
Вновь готы поднялись и с силой ратной
Из удальцов, наклонных к грабежу,
Идут сюда стремительно; их Люций.
Сын старого Андроника, ведет,
Грозя расправу учинить над нами
Таковую же, как встарь кориолан.
Сатурнин
У готов полководцем – храбрый Люций?
Весть гибельная: никну головой,
Как цвет в мороз или трава под вихрем.
Да, вот оно, начало наших бедствий:
Простым народом очень он любим;
Я слышал сам, как говорили,
Когда бродил как частное лицо,
Что Люций незаконно изгнан был,
И цезарем его иметь желали.
Тамора
К чему боязнь? Не укреплен ли город?
Сатурнин
Но Люций в милости у горожан,
И против нас они его поддержат.
Тамора
Как в имени, имей величье в мыслях.
Затмят ли солнце мошки, в нем летая?
Орел дает и малым пташкам петь,
О том, что на уме их, не заботясь,
Уверенный, что тенью крыл своих
Он при желанье прекратит их пенье:
Так не заботься о смутьянах Рима.
Развеселись и знай ты, император,
Я старика Андроника прельщу
Словами сладостнее и опасней,
Чем клевер для овцы, живец для рыбы:
Одна бывает ранена крючком.

От корма сладкого другая гибнет.

Сатурнин

За нас просить не станет сына он.

Тамора

Но, если Тамора упросит, - станет.

Слух старческий сумею я задобрить

Посредством обещаний золотых;

Пусть неприступно сердце, глухи уши,

Ушам и сердцу мой язык - приказ.

(Эмилию.)

Ступай вперед послом от нас, - скажи,

Что цезарь с Люцием в переговоры

Вступить желает, для свиданья дом

Его отца, Андроника, назначив.

Сатурнин

Исполни поручение достойно;

И, если он заложников захочет

Для верности, пусть выберет их сам.

Эмилий

Я в точности исполню ваш приказ.

(Уходит.)

Тамора

Я к старому Андронику отправлюсь;

Склоню его со всем моим искусством

От храбрых готов Люция отвлечь.

Так будь же снова весел, император,

Сладчайший цезарь! Позабудь тревоги

И спрячься в сети хитрости моей.

Сатурнин

Ступай скорей и убеди его.

Уходят. АКТ V СЦЕНА 1 Равнина близ Рима.

Трубы.

Входят Люций и готы с барабанами и знаменами.

Люций

Испытанные воины, друзья,

Великий Рим шлет письма, где мне пишут

О том, как цезаря там ненавидят

И как нетерпеливо все нас ждут.

Итак, вожди, согласно с саном вашим,

Из гордости обид не потерпите

И, в чем бы ни нанес ущерб вам цезарь,

Вознагражденья требуйте втройне.

Первый гот

Ты, смелый отпрыск доблестного Тита,

Чье имя, нас страшившее, нам - радость,

Чьи подвиги высокие презреньем

Вознаградил неблагодарный Рим,

Доверься нам: пойдём вслед за тобою,

Как жалящие пчелы в знойный день

За маткою летят на луг цветущий,

И Таморе проклятой отомстим.

Готы

Что он сказал, то все мы повторяем.

Люций

Благодарю его и вас усердно.

Кого ведет к нам этот честный гот?

Входит второй гот, ведя Арона с ребенком на руках.

Второй гот

Я отошел от войска, славный Люций,

Чтоб поглазеть на древний монастырь.

Но лишь внимательней я присмотрелся

К строению разрушенному, вдруг

Из-за стены раздался детский крик;

Я бросился туда и услышал,

Как кто-то уговаривал ребенка:

"Молчи, смугляк, в ком я и мать смешались.

Когда б не выдал цвет, чье ты отродье,

Будь создан ты похожим лишь на мать,

Ты стал бы императором, бездельник;

Но, если бык с коровой снежно-белы,

Им черного теленка не родить.

Молчи, пострел! – так он журил ребенка.
Я к готу верному тебя снесу.
Узнав, что ты – дитя императрицы,
Он ради матери тебя возьмет".
С мечом в руке к нему я устремился,
Напал врасплох и к вам его привел,
Чтоб поступить с ним, как найдете нужным.

Люций

Так знай же, это воплощенный дьявол,
Лишивший Тита доблестной руки,
Жемчужина очей императрицы;
А это пылкой страсти гнусный плод.
Куда снести ты думал, белоглазый,
Подобье хари дьявольской своей?
Что ты молчишь? Как! Иль ты глух? Ни слова?
Веревку! Вздернуть их на сук – отца
И плод прелюбодеяния подлеца.

Арон

Не тронь его! Он царственного рода.

Люций

Он весь в отца: в нем злобная природа.
Сперва дитя повесьте: пусть глядит
Отец на корчи сына и скорбит.
Эй, лестницу!

Приносят лестницу, на которую заставляют подняться Арона.

Арон

Спаси ребенка, Люций,
Императрице отнеси его.
Исполнишь это – я открою вещи,
Которые тебе полезно знать.
А не исполнишь, – будь что будет с нами,
Скажу одно: "Пусть месть покончит с вами!"

Люций

Рассказывай; и, если угодишь мне.
Ребенок твой и жив и вскормлен будет.

Арон

Я ужогу ль? О, будь уверен, Люций,
Всю душу истерзает речь моя;
То об убийствах речь, резне, насильях,
Ночных злодеяниях, гнусных преступлениях,
Злых умыслах, предательствах – о зле,
Взывающем ко всем о состраданье;
И это все уйдет со мной в могилу,
Иль поклянись, что сын мой будет жить.

Люций

Я обещаю. Говори теперь.

Арон

Клянись, что будет жить, тогда начну.

Люций

Чем клясться мне? Не веришь в бога ты:
Какой же можешь ты поверить клятве?

Арон

А если б и не верил? Да, не верю,
Но знаю: ты к религии привержен,
В тебе есть то, что совестью зовут;
Поповских выдумок и церемоний
Усердный, знаю, исполнитель ты.
Вот почему и требую я клятвы.

(В сторону.)

Дурак за бога палку принимает
И держит клятву, данную ему,
Того и надо мне.

(Громко.)

Клянись же богом,
Тем самым, – кто бы ни был этот бог,
Которого ты чтишь, пред ним склоняясь,
Спасти дитя, вскормить и воспитать,
Иначе ничего я не открою.

Люций

Клянусь мной чтимым богом, все исполню.

Арон

Знай, что ребенок – от императрицы.

Люций

Развратница, чья похоть ненасытна!

Арон

Ну, это лишь невинная забава

В сравнение с тем, что ты услышишь здесь:

Ее сыны убили Бассиана,

Лишили чести, языка и рук

Твою сестру, – украсили на славу.

Люций

Украсить – это ты зовешь, мерзавец!

Арон

Смочить, подстричь, украсить всю на славу

Забава славная для тех, чей труд!

Люций

О звери, варвары, как и ты сам!

Арон

То правда, я наставником их был.

Мать похотливостью их наделила,

Вот так выигрывает карта ставку;

А кровожадность взяли у меня.

Вот так бульдог хватает всех за горло.

Чего я стою, пусть дела покажут:

Я братьев двух твоих к коварной яме,

Где Бассиана труп лежал, завлек;

Я исписал найденный Титом свиток

И спрятал клад, указанный в письме,

В согласье с Таморой и сыновьями.

И делалось ли что тебе на горе

Без злобного участия моего?

Обманом раздобыл я руку Тита,

А получив, в сторонку отошел

И сердце чуть не надорвал от смеха.

Я подсмотрел сквозь трещину в стене,

Как получил он головы детей,

Как плакал, – и смеялся так усердно,

Что прослезился я и сам, как он.

А выслушав забавный мой рассказ,

Пришла в восторг моя императрица,

За весть поцеловав меня раз двадцать.

Люций

Ты говоришь все это, не краснея?

Арон

Как в поговорке – словно черный пес.

Люций

Ты не жалеешь обо всем, что сделал?

Арон

Жалею лишь о том, что сделал мало.

Клянусь я каждый день, – хоть дней таких

Немного в жизни у меня бывало,

Когда бы я злодейства не свершил:

Не умертвил, убийства не замыслил,

Не подготовил, не свершил насилья,

Не обвинил и не дал ложных клятв,

Не перессорил насмерть двух друзей,

Скотину бедняка не покалечил,

Гумна иль стога ночью не поджег,

Хозяев принудив гасить слезами.

Частенько, вырыв из могилы трупы.

Перед дверьми друзей я ставил их,

Когда печаль была почти забыта:

На коже их, как на коре древесной,

Я по-латыни вырезал ножом:

"Да не умрет печаль, хоть я и умер".

И тысячу ужасов свершил

Так, невзначай, как убивают муху;

Но лишь одно мне сердце сокрушает:

Что в тысячу раз больше не свершу.

Люций

Спустите черта; умереть не должен

Столь легкой, скорой смертью, как в петле.

Арон

Коль черти есть, хотел бы я быть чертом,
Чтоб жить и в вечном пламени гореть
И, ваше общество имея в пекле,
Вас ядовитым языком язвить!

Люций

Заткните рот ему, пусть он умолкнет.
Входит третий гот.

Третий гот

Мой государь, там посланный из Рима
желает, чтобы принял ты его.

Люций

Пусть он войдет.

Входит Эмилий.

Привет, Эмилий, что за весть из Рима?

Эмилий

О славный Люций, готские вельможи,
Вам римский император шлет привет
И просит, раз взяли вы за мечи,
Вступить в переговоры в доме Тита;
А если вы заложников хотите,
То их сейчас же предоставят вам.

Первый гот

Что вождь наш скажет?

Люций

Эмилий, пусть заложников отцу
Иль дяде Марку даст ваш император
И мы придем. – Вперед!

Трубы.

Уходят. СЦЕНА 2 Рим. Перед домом Тита.

Входят переодетые Тамора, Деметрий и Хирон.

Тамора

Так, в этом странном, мрачном одеянье
Перед Андроником предстану я,
Скажу, что Месть я, посланная адом
С ним сообща обиды возместить.
Стучитесь в комнату, где он сидит,
Обдумывая план жестокой мести;
Скажите – Месть пришла, чтоб с ним сдружиться
И гибель принести его врагам.
Они стучатся.

Входит наверху Тит.

Тит

Кто размышление мое тревожит?
Иль хитрость то, чтоб дверь я отворил
И скорбные решенья разлетелись,
Бесплодны оказались все труды?
Ошиблись вы: что я намерен сделать,
Я написал кровавыми чертами.
И что написано – должно свершиться.

Тамора

Тит, сговориться я пришла.

Тит

Ни слова, нет; чем речь я подчеркну?
Руки лишен, чтоб делать жесты ею.
Неровня мы с тобой; на том и кончим.

Тамора

Узнав меня, ты стал бы говорить.

Тит

Я не безумец, знаю я тебя:
Порукой – кровь письмен, обрубок жалкий;
Порукой – и морщины от забот;
Порукой – ночи гнет и дня томленье;
Порукой – горе в том, что узнаю
В тебе я Тамору, императрицу;
Не за другой ли ты рукой пришла?

Тамора

Несчастный, знай: не Тамора я вовсе;
Враг Тамора тебе, а я – твой друг.
Я – Месть и послана подземным царством,
Чтоб коршун дум, терзающий тебя,

Насытился возмездьем над врагами.
Сойди, приветствуй нас на этом свете.
Поговорим о смерти и убийстве.
Вертепа нет, ни потаенных мест,
Тьмы непроглядной, ни долины мглистой,
Где б подлое насилье иль убийство
Укрылись в страхе: я настигну их
И страшное шепну им в уши имя,
Обидчиков дрожать принудив: Мечь.

Тит

Ты – Мечь? И послана ко мне затем,
Чтоб стать для недругов моих мученьем?

Тамора

Я – Мечь; сойди приветствовать меня.

Тит

Но послужи мне прежде, чем сойду.
Ведь здесь с тобой Насилье и Убийство:
Так докажи на деле, что ты – Мечь;
Убей их, раздави под колесницей
И я приду, и буду править ею,
И понесусь вокруг земли с тобою.
Достань двух черных, словно смоль, коней,
Чтоб мчать карающую колесницу,
Накрыть убийц в преступных их вертепах.
Когда же головами их она
Наполнится, сойду и у колес
Бежать весь день, как скороход, я буду.
С восхода над землей Гипериона
Вплоть до заката за морем его.
Я день за днем труд тяжкий понесу
Лишь уничтожь Насилье и Убийство.

Тамора

Они – помощники; пришли со мною.

Тит

Твои помощники? Как их зовут?

Тамора

Насилье и Убийство; так зовутся
За то, что мстят творящим это зло.

Тит

Как Таморы сынов напоминают,
Вы ж – Тамору! Но мы, земные люди,
Безумны, жалки, и наш глаз неверен.
О сладостная Мечь, иду к тебе!
И коль одной руки тебе довольно,
Я тотчас же обнять тебя сойду.
(Уходит наверху.)

Тамора

Его безумью сговор этот впору.
Чем мозг его больной я ни потешу,
Вы поддержать меня должны речами:
Теперь меня считает Мечью он.
В безумной мысли той его уверив,
Уговорю за Люцием послать
И, задержав на пиршестве его,
Изобрету я хитрую уловку,
Чтоб готов легковых разогнать
Иль сделать их хотя б его врагами.
Вот он идет, я роль должна играть.
Входит внизу Тит.

Тит

Я долго был из-за тебя несчастен.
Добро пожаловать в мой скорбный дом,
О фурия, Насилье и Убийство.
Не Тамору ль я вижу с сыновьями?
Прибавьте мавра – сходство будет полным.
Иль не нашлось в аду такого беса?
Прекрасно знаю я, – императрица
Без мавра не выходит никогда,
И, чтобы правильно ее представить,
Вам дьявола бы надо привести.
Но все ж пожалуйста. Что будем делать?

Тамора

Чего хотел бы ты от нас, Андроник?

Деметрий

Дай мне убийцу, – я расправлюсь с ним.

Хирон

Дай подлеца, свершившего насилье,

Я послан, чтобы отомстить ему.

Тамора

Дай тысячу обидчиков своих,

И за тебя я отомщу им всем.

Тит

Ищи среди преступных улиц Рима

И, увидав подобного себе,

Рази его, Убийство: он – убийца.

Ступай и ты и, если в свой черед

Увидишь сходство в ком-нибудь с собою,

Рази его, Насилье: он – насильник.

Ступай и ты: при цезарском дворе

Царица есть в сопровождение мавра;

Узнать ее ты можешь по себе:

Вся с головы до ног с тобою схожа.

Прошу тебя, дай лютую им смерть,

Они ко мне и близким люты были.

Тамора

Ты хорошо нас научил, – исполним,

Но будь так добр, Андроник, и пошли

За храбрым сыном, Люцием, идущим

С воинственными готами на Рим.

Проси его на пир в твой дом явиться:

Когда придет на празднество твое,

Сюда я приведу императрицу,

И цезаря, и всех твоих врагов;

Пусть на коленях молят о пощаде;

На них ты сердце отведешь свое.

Что скажешь ты на эту мысль, Андроник?

Тит

Марк, брат мой! Тит тебя зовет несчастный.

Входит Марк.

Марк, к Люцию, племяннику, ступай;

Ты должен разыскать его у готов.

Проси прийти ко мне и привести

Кого-нибудь из самых знатных готов;

Проси оставить в лагере войска.

Скажи – императрица, как и цезарь,

Со мной пируют; должен быть и он.

Исполни все, и он пусть все исполнит,

Жизнь престарелого отца ценя.

Марк

Исполню все и возвращусь немедля,

(Уходит.)

Тамора

Теперь отправлюсь по твоим делам

И уведу помощников с собою.

Тит

Оставь со мной Насилье и убийство:

Иначе брата я верну назад,

Соединясь лишь с Люцием для мести.

Тамора

(тихо, сыновьям)

Что скажете? Хотите с ним остаться,

Пока я к императору схожу,

Чтоб рассказать, как удалась мне шутка?

Его причудам потакайте, льстите,

Беседуйте, пока я не вернусь.

Тит

(в сторону)

Я знаю их, хоть им кажусь безумцем.

В их собственные сети всех поймаю,

И матку и проклятых адских псов.

Деметрий

Ступай же, матушка, оставь нас здесь.

Тамора

Прощай, Андроник. Месть идет, чтоб сети
Расставить для врагов твоих на свете.

Тит

Я знаю, сладостная Месть, прощай.

Тамора уходит.

Хирон

Скажи, старик, что ты готовишь нам?

Тит

Довольно дела у меня найдется.

Кай, Валентин, сюда идите! Публий!

Входят Публий и другие.

Публий

Чего же хочешь ты?

Тит

Кто эти двое?

Публий

Деметрий и Хирон, два наших принца.

Тит

Стыдись, стыдись! жестоко ты ошибся.

Убийством и Насильем их зовут.

А потому вяжи их, милый Публий.

Кай, Валентин, их за руки хватайте.

О, как давно я ждал такого часа,

И вот – дождался; так скрутите крепче

И рты заткните, лишь начнут кричать.

(Уходит.)

Публий и другие хватают Деметрия и Хирона.

Хирон

Не смей! Мы сыновья императрицы.

Публий

Мы потому приказ и выполняем.

Заткните рты им, пусть они умолкнут.

Надежно связаны? Вяжите крепче.

Входят Тит и Лавиния; он несет нож, она – таз.

Тит

Смотри, Лавиния, врагов связали.

Заткните рты им, пусть они молчат

И страшные слова мои услышат.

О подлые Деметрий и Хирон,

Источник этот загрязнили вы,

С зимой своей ее смесили лето;

Убили мужа и за грех тот подлый

Ее двух братьев на смерть обрекли;

Мне руку отрубили для забавы;

Язык и обе руки, то, что рук

И языка дороже, – непорочность,

Насильем отняли вы у нее.

Что вы сказали б, разреши я вам?

Стыд помешал бы вам просить пощады.

Так слушайте, как стану вас пытаться:

Рукой оставшейся я вас зарежу,

Лавиния же таз меж двух обрубок

Возьмет, чтоб кровь преступную собрать

Со мной пирует ваша мать и Местью

Себя зовет, безумцем мнит меня.

Так вот, я в порошок сотру вам кости,

Из них и крови тесто приготовлю.

Из теста сделаю два пирога

Два гроба для голов презренных ваших,

И вашу мать, бессовестную шлюху,

На славу угощу: пусть, как земля,

Она пожрет свое же порождение.

Вот пир, к которому я звал ее,

Вот блюдо, что должно ее насытить.

Лютей, чем к Филомеле, к дочке были,

Лютей, чем Прокна, буду отомщен.

Подставьте глотки. – Подойди, Лавиния.

(Перерезает горло Деметрию и Хирону.)

Кровь собери. Когда ж они умрут,

Я в мелкий порошок сотру их кости

И с этой скверной жидкостью смешаю,
Чтоб головы их в тесте том запечь.
Иди, иди, готовить помоги;
Пир более жестокий и кровавый
Хочу устроить я, чем пир кентавров.
Ташите их; как повар, постараюсь
К приходу матери сготовить их.
Уходят, унося трупы. СЦЕНА 3 Двор в доме Тита. Накрыты столы.
Входят Люций, Марк и готы с пленным Ароном.
Люций
Когда отца в том воля, дядя Марк,
Чтоб в Рим вернуться мне, я повинуюсь.
Первый гот
И мы с тобой, что б ни судил нам рок.
Люций
Запри злодея-мавра, добрый дядя,
Он хищный тигр, проклятый дьявол он,
Держи в цепях и пищи не давай,
Пока пред Таморой он не предстанет.
Чтоб обличить ее в поступках грязных;
И укрепи засаду из друзей:
Боюсь, недоброе задумал цезарь.
Арон
Мне на ухо проклятья шепчет дьявол
И побуждает мой язык излить
Яд злобы, переполнившей мне сердце!
Люций
Прочь, пес безжалостный, проклятый раб!
Друзья, вы с дядей уведите мавра.
Готы с Ароном уходят.
Трубы за сценой.
Что цезарь близко, трубы возвещают.
Входят Сатурнин и Тамора, Эмилий, трибуны, сенаторы
и другие.
Сатурнин
Как! Разве не одно на небе солнце?
Люций
Что проку, если солнцем назовешься?
Марк
Прошу обоих - бросьте пререканья
И мирно разрешите этот спор.
Готово к пиру все; заботой Тита
Достойной целью он имеет мир,
Любовь, содружество и благо Рима;
Прошу приблизиться, занять места.
Сатурнин
Охотно, Марк.
Гобои.
Все садятся за стол.
Входит Тит, одетый поваром, и ставит блюда на стол;
за ним Лавиния, под покрывалом, Люций младший и другие.
Тит
Привет тебе с супругой грозной, цезарь;
Привет вам, готы; Люцию - привет;
Привет вам всем. Хоть скромн стол, - желудки
Наполнит вам; отведать вас прошу.
Сатурнин
Зачем ты нарядился так, Андроник?
Тит
Хотел увериться, что угостят
Как должно цезаря с императрицей.
Тамора
Андроник, мы признательны тебе.
Тит
Да, были б, если б знали это сердце.
Но вот что ты реши мне, государь:
Виргиний пылкий хорошо ли сделал,
Дочь умертвив своей рукой за то,
Что чести и невинности лишилась?
Сатурнин
Да, хорошо, Андроник.

Тит

Твой довод, государь?

Сатурнин

Не подобало жить ей, честь утратив,
И вечно скорбь отца возобновлять.

Тит

Да, довод основательный и веский,
Пример, живое указанье мне:
Несчастный, так же поступить я должен.
Умри, Лавиния, и стыд с тобою!
А со стыдом и скорбь отца умри!
(Убивает Лавинию.)

Сатурнин

Что сделал ты, чудовищный злодей?

Тит

Убил ее; я слеп от слез о ней.
Несчастен так же я, как был Виргиний,
И более причин имел, чем он,
Свершить жестокость эту я. Свершилось!

Сатурнин

Но кем же обещана она?

Тит

Откушай: угощение на славу.

Тамора

Как мог убить ты? Это дочь твоя!

Тит

Убил Хирон, Деметрий, а не я:
Лишили чести, отрубили руки;
Они, они ей причинили муки.

Сатурнин

Чтоб тотчас же сюда их привели!

Тит

Их в этом пироге мы запекли,
Которым лакомилась мать родная,
Плоть, вскормленную ею, поедая;
Порукой в этом - острие ножа.
(Убивает Тамару.)

Сатурнин

Умри, несчастный, за свой грех проклятый!
(Убивает тита.)

Люций

Помирится ли сын с такой утратой?
За плату - плата: смерть прими, проклятый!
(Убивает Сатурнина.)

Все в смятении. Люций, Марк и другие поднимаются вверх.

Марк

Вы, скорбные, народ и дети Рима,
Разъятые враждой, как стая птиц,
Рассеянная вихрями и бурей,
О, дайте научить вас, как собрать
В единый сноп разбитые колосья
И в плоть одну разрозненные члены,
Чтоб сам себе не стал отравой Рим
И он, пред кем склоняются держаны,
В отчаянье, как жалкий отщепенец,
Постыдно не покончил сам с собой.
Но, если иней старости, морщины
Свидетельство об опыте нелживом,
Не убедят вас выслушать меня,
(Люцию)

Друг Рима, говори. Как встарь наш предок,
Когда торжественно повествовал
Дидоне скорбной и больной любовью
О ночи мрачной, пламенной, когда
Лукавый грек взял Трою у Приама,
Скажи, какой Синон нас обольстил,
Кто ввез машину, нашей Трое - Риму
Гражданскую тем рану нанеся.
Не камень сердце у меня, не сталь;
Заговорю ль о горьких наших бедах,
Потоки слез затопят красноречье,

Прервав правдивый мой рассказ в тот миг,
Когда он должен захватить внимание
И вызвать сострадание у вас.
Вот вождь, за ним рассказ: от слов его
В вас сердце содрогнется и занеет.
Люций

Итак, друзья, да будет вам известно:
Проклятые Деметрий и Хирон
Вот кто зарезал цезарева брата,
Кто нашу изнасиловал сестру.
За их вину казнили наших братьев,
Презрев отца их слезы и лишив
Руки, сражавшейся за Рим достойно,
Его врагов в могилу отправлявшей.
И, наконец, и сам я изгнан был.
За мной ворота затворились; плача,
Пошел просить о помощи врагов.
В моих слезах вражда их потонула,
Объятья их раскрылись для меня.
Отверженный, да будет вам известно,
Я охранял ценою крови Рим
И меч врага от Рима отводил,
Сталь направляя в грудь свою отважно.
Вы знаете, я хвастать не люблю;
Мои рубцы порукой в том, хоть немы,
Что мой рассказ и точен и правдив.
Довольно! Слишком я и так отвлекся
Хвалой себе недолжной. О, простите!
Нет друга – сами хвалим мы себя.

Марк

Черед за мной. Смотрите, вот ребенок:
(указывая на ребенка, которого держит на руках слуга)
им разрешилась Тамора; он ею
От мавра нечестивого рожден,
Зачинщика, творца всех этих бедствий.
Мерзавец жив; здесь, в доме Тита, он
И это подтвердит, как ни преступен.
Решите, мог ли Тит не отомстить
За несказанные обиды эти,
Их ни один бы смертный не стерпел!
Узнав всю правду, римляне, судите!
В чем погрешили – укажите нам;
И с места, где нас видите сейчас,
Андроников несчастные остатки,
Мы об руку низринемся вдвоем
И, раздробив себе мозги о камни,
Положим роду нашему конец.
Ответьте, римляне; скажите слово
И с Люцием мы броситься готовы.

Эмилий

Сойди, сойди к нам, муж почтенный Рима,
И за руку к нам цезаря снеси:
Наш цезарь – Люций; в том я убежден:
Единогласно будет избран он.

Все

Привет, о Люций, повелитель Рима!

Марк

Ступайте в дом Андроника печальный
(Слугам.)

Безбожного сюда тащите мавра,
Чтоб к страшной смерти присудить его,
За жизнь преступную его карая.

Слуги уходят.

Люций, Марк и другие спускаются.

Все

Привет, о Люций наш, правитель Рима!

Люций

Благодарю. Когда б я мог так править,
Чтоб Рим от горя и от слез избавить!
Но дайте срок мне, римляне: природой
Тяжелый долг возложен на меня.

Посторонитесь. – Дядя, подойди
Прощальную слезу на труп пролить.
(Целует Тита.)

Горячий поцелуй устам холодным
И слезы на лице окровавленном
Вот сына верного последний долг!
Марк

Слезу слезой, лобзание лобзаньем
Брат на устах здесь возместит тебе.
О, будь число их, должных мной, несметно
И бесконечно, – расплачусь за все!
Люций

Поди сюда, учись у нас, мой мальчик,
Как слезы лить. Тебя твой дед любил.
И на коленях все качал, бывали,
И песнею баюкал на груди;
И он тебе рассказывал немало,
Что твоему младенчеству пристало.
Из уваженья к этому, с любовью
Пролей слезинки от своей весны,
Как требует того закон природы:
Друг должен с другом разделить невзгоды.
Простись же с ним, предай его могиле
И, долг отдав ему, расстанься с ним.
Люций младший

О дедушка! Желал бы я всем сердцем
Сам умереть, чтоб только ты был жив!
Отец, мне слезы говорить мешают,
Рыданья душат, лишь раскрою рот.
Входят слуги с Ароном.

Один из римлян
Андроники, конец страданьям вашим!
Произнесите приговор злодею,
Виновнику событий роковых.

Люций
По грудь заройте в землю, не кормите:
Пусть бесится, вопит о пище он;
Кто, сжалившись над ним, ему поможет,
Умрет за это. Вот наш приговор.
Смотрите, чтоб зарыт был в землю прочно.
Арон

Но что ж во мне замолкли гнев и ярость?
Я не ребенок, чтоб с мольбой презренной
Покаяться в содеянном мной зле.
Нет, в десять тысяч раз еще похуже
Я б натворил, лишь дайте волю мне.
Но, если я хоть раз свершил добро,
От всей души раскаиваюсь в этом.

Люций
Пусть тело цезаря друзья возьмут,
Чтоб схоронить его в отцовском склепе,
Отца же моего с сестрою должно
В гробницу родовую поместить.
А что до Таморы, тигрицы злобной,
Ни трауром, ни чином погребальным,
Ни похоронным звоном не почтить,
Но выбросить зверям и хищным птицам:
Жила по-зверски, чуждой состраданья,
И вызывать не может состраданья.
Пусть правосудие свершат над мавром,
Он бедам всем начало положил.
Затем в стране мы учредим порядок,
Чтоб не пришла от дел таких в упадок.

Уходят. "ТИТ АНДРОНИК" уже в начале (I, 2) трагедии на сцену вносят гроб, и в нем покоятся останки двадцати сыновей Тита Андроника, погибших в сражениях. Триумф полководца Тита венчается тем, что одного из пленных принцев, Аларба, уводят, чтобы разрубить на куски и сжечь на костре как жертву богам. Эта казнь возбуждает у пленной царицы Таморы жажду мести, которая послужит причиной многих последующих событий. Убийства следуют одно за другим. Тит Андроник закалывает своего сына Муция, осмелившегося послушаться его. Сын Таморы Деметрий убивает Бассиана и

сваливает вину на двух сыновей Тита, которых казнят. Деметрий и его брат Хирон насилюют дочь Тита Лавинию и, чтобы она не выдала их, отрезают ей язык и руки, лишая возможности и говорить и писать. Тит Андроник, поверив коварному мавру Арону, отрубает себе левую руку, надеясь этой жертвой спасти двух осужденных сыновей. Мавр Арон закалывает кормилицу царицы, чтобы та не выдала тайну его связи с Таморой, и обещает сделать то же самое с повивальной бабкой, помогавшей царице разрешиться от бремени.

На казнь отправляют крестьянина, передавшего императору Сатурнину дерзкое послание Тита. Тит осуществляет месть над насильниками, обесчестившими его дочь, и, в то время как он наносит смертельные раны связанным Деметрию и Хирону, Лавиния в обручках рук держит таз, в который стекает кровь ее обидчиков. Но и отмщенная Лавиния не остается в живых – ее убивает отец, чтобы она не пережила своего позора. Тит убивает и своего главного врага – Тамору, но сначала он угощает ее пирогом, в который запечено мясо ее сыновей. Сатурнин мстит за смерть своей жены, убивая Тита Андроника, а сын последнего Луций поражает мечом Сатурнина. И, наконец, мавра Арона, злобного интригана, подстроившего ряд убийств, подвергают страшной казни; закапывают живым в землю в отместку за содеянное им зло.

Четырнадцать убийств, тридцать четыре руки трупов, три отрубленные руки, один отрезанный язык – таков инвентарь ужасов, наполняющих эту трагедию. Мог ли написать ее Шекспир, тот, кого современники называли "благородным", "медоточивым", "сладостным"? Тот, кто написал столь изящные комедии и такие глубокие философские трагедии?

Многие критики отказываются верить этому. Содержание "Тита Андроника" столь грубо, низменно, жестоко, говорят они, что невозможно признать это произведение плодом гения Шекспира, хотя бы и молодого. Никакая незрелость не может оправдать столь чудовищное нагромождение ужасов. Только дурной вкус и примитивная фантазия могли породить трагедию такого рода, создать которую мог кто угодно, только не Шекспир.

Весь арсенал средств критики был привлечен для того, чтобы "обелить" Шекспира и смыть пятно, марающее чистую одежду гения. Ссылались на то, что три прижизненных издания "Тита Андроника" (1594, 1600, 1611) были напечатаны без имени автора на титульном листе.

Приводили слова драматурга XVII века Эдуарда Рейвенскрофта, который в предисловии к своей переделке "Тита Андроника" (поставленной в 1678 и напечатанной в 1687 г.) писал: "Люди, издавна осведомленные в театральных делах, говорили мне, что эта пьеса первоначально не принадлежала Шекспиру, а была принесена посторонним автором, и он лишь приложил руку мастера к одной или двум ролям или характерам; и я склонен верить этому, ибо из всех его произведений это самое неудобоваримое; оно напоминает скорее кучу мусора, нежели постройку".

Текстологи посредством скрупулезных сравнений стиля показывают, что "Тит Андроник" отличается лексикой, фразеологией, версификационными приемами от пьес, достоверно являющихся шекспировскими. Они приводят данные, свидетельствующие о сходстве трагедии с пьесами его предшественников, среди которых будто бы и следует искать автора трагедии, каковым мог быть Марло, Грин, Кид, Нэш, Пиль – кто угодно, но только не божественный Уильям. Но против всей массы доказательств, предположений и умозаключений критиков есть два непоколебимых свидетельства, возлагающих ответственность за "Тита Андроника" на Шекспира. Френсис Мерес, перечисляя в 1598 году известные ему пьесы Шекспира, называет в числе других и "Тита Андроника". А Хемминг и Кондед, друзья Шекспира, приготовившие первое собрание его сочинений, включили "Тита Андроника" в фолио 1623 года. И от этих двух фактов никуда не уйдешь: они делают неопровержимой и бесспорной принадлежность этой пьесы Шекспиру, как бы мы ни оценивали ее с точки зрения художественности.

Другое дело вопрос, является ли Шекспир единоличным автором пьесы. Здесь можно допустить, что он работал по тексту уже ранее существовавшей пьесы и, переделывая ее, дополнял, сокращал и, может быть, сохранил кое-что из рукописи предшественника. Но если это имело место, то, так или иначе, Шекспир принял на себя ответственность за пьесу, а мы знаем по другим драмам, что Шекспир всегда перерабатывал старые тексты самым кардинальным образом.

Соображения, выдвигавшиеся против авторства Шекспира, были не только эстетическими. Смущало не одно лишь то обстоятельство, что создатель этой трагедии нагромоздил кучу убийств и злодейств, вызывающих у зрителей начиная с XVIII века и по наше время лишь чувство отвращения. Против авторства Шекспира говорит как будто и то, что пьеса полна выпренности, ложного пафоса, крикливой декламации, психологическая мотивировка поступков либо до крайности примитивна, либо просто отсутствует.

Отрицать это невозможно. "Тит Андроник" действительно не имеет ничего общего ни с другими "римскими" трагедиями Шекспира, ни с "Ромео и

Шекспир У. Тит Андроник filosoff.org
Джульеттой", ни с "Гамлетом", ни с "Лиром". Но это не дает основания отрицать его авторство.

Пути писательские неисповедимы. Творческие биографии величайших художников сложны, противоречивы и складываются из фактов, кажущихся несовместимыми. Разве мы поверили бы, что Гете, написавший "Фауста", был также автором "Триумфа чувствительности", если бы не знали этого наверняка? Разве не было у Лоне де Вега и Кальдерона пьес пустых и просто плохих?

"Тита Андроника" написал Шекспир. И от этого он становится для нас более достоверно живым человеком и писателем. Этот факт его творческой биографии делает очевидным то, что в начале своей драматургической деятельности Шекспир пробовал разные пути, искал и ошибался, прежде чем обрел те качества, которые сделали его тем великим художником, который покорила мир. Не в готовом виде, не из головы Зевса, не из пены морской, а в процессе борьбы и исканий родилось искусство Шекспира. Именно родилось, и пьесы, подобные "Титу Андронику" и трем частям "Генриха VI", ценны для нас тем, что раскрывают Шекспира-художника в процессе его развития. Они – первые ступени его творчества. И отнюдь не бесплодным является открытие исследователей, показавших сходство "Тита Андроника" с драматургией конца 80-х – начала 90-х годов XVI века.

Шекспир во всех жанрах начинал с того, что вступал на уже проторенные пути. Так было и с жанром трагедии. Одной из первых форм этого жанра, утвердившихся на сцене английского театра эпохи Возрождения, была "кровавая трагедия", высшие образцы которой дали Марло и Кид. Есть писатели, начинающие с того, что отвергают все сделанное предшественниками. Шекспир не принадлежал к числу таких. Его стремление состояло в другом: превзойти предшественников в том, в чем они сами были сильны.

"Испанская трагедия" Томаса Кида поразила воображение театральной публики того времени чудовищным нагромождением злодеяний. Мы можем как угодно расценивать вкусы этой публики, но остается фактом, что жанр "кровавой трагедии" пользовался большой популярностью.

Шекспир не был художником-творцом, сидевшим в башне из слоновой кости, где он творил шедевры для будущих поколений. Он был театральным деятелем, чутко реагирующим на запросы зрителей. Он следовал закону, что театр должен давать публике то, чего она хочет. И он написал "Тита Андроника". При этом он не стремился нарушить основы жанра "кровавой трагедии", а, наоборот, в полной мере следовал им. Как автор, он поставил себе лишь одну задачу "переиродить самого Ирода", как выразится впоследствии Гамлет. И действительно, Шекспир превзошел в "Тите Андронике" все ужасы "Испанской трагедии", не преминув при этом использовать некоторые приемы Кида, доказавшие свою театральную эффективность.

Жанр "кровавой трагедии" отнюдь не стремился угодить "низменным вкусам толпы", как это представляют иногда буржуазные историки драмы. Он имел исторические истоки как в самой жизни, так и в культуре эпохи. Старинные летописи и современная хроника в изобилии давали материал для пьес такого рода. Кровавая месть, физическое истребление соперников, тайные и явные убийства, совершаемые самыми изощренными способами, были не плодом воображения писателей, а повседневной жизненной практикой. В особенности в среде высшего сословия насилие было постоянным средством разрешения жизненных конфликтов. "Кровавая" драма эпохи Возрождения лишь отразила реальные факты.

Этот жанр явился важной вехой в развитии драматического искусства. Он был одним из знамений рождения нового искусства и нового миропонимания. Средневековое мировоззрение, отразившееся и в драме того времени, воспринимало жизнь как некое организованное явление, в котором индивидуальное всегда было отклонением от нормы и закона. Эпоха Возрождения отмечена тем, что прежнему единству жизни, основанной на иерархии, противопоставлено бесконечное разнообразие враждующих между собой индивидуальных стремлений. Это мы видим и в "Испанской трагедии" и в "Тите Андронике".

Перед нами мир, управляемый не богом, не гражданскими законами, а единственно лишь действиями индивидов, составляющих общество. Если внимательно вчитаться в "Тита Андроника", то раскроется, что трагедия при всей ее кажущейся примитивности не лишена определенного идейного стержня.

Тит Андроник – носитель патриотического начала. Его жизненный идеал служение родине, Риму, которому он принес в жертву все свои силы и кровь многочисленных сыновей. Он желает гражданского мира и потому отказывается от предложенной ему власти в пользу Сатурнина, лишь бы избавить Рим от раздоров.

Но патриархальные добродетели Тита Андроника уже не являются гарантией внутреннего мира. Им противостоят честолюбие Сатурнина, мстительность Таморы и хищническая жестокость Арона. Вероятно, неслучайно то, что

разрушителями внутреннего мира выступают чужеземцы – Тамора и Арон, эти пленники римского полководца, хитро проникшие к источнику власти и разрушающие Рим изнутри.

Тематически и идейно трагедия о Тите Андронике смыкается с трилогией о Генрихе VI. И здесь и там основу конфликта составляет распад патриархального уклада жизни под натиском своекорыстного индивидуализма. Сюжет и его идейное наполнение в "Тите Андронике" содержат, таким образом, зерна подлинной трагедии, имеющей исторически эпохальное значение. Но само понимание трагического и его художественное облачение здесь еще примитивны. Так мы подходим к литературным и драматургическим истокам жанра.

Понимание трагического у гуманистов эпохи Возрождения формировалось под влиянием римской драматургии. Хотя "Поэтика" Аристотеля и была известна гуманистам, не она определила их понимание жанра, а единственные доступные тогда его образцы – трагедии Сенеки. В "кровавых" драмах эпохи Возрождения трагическое предстает лишь в чисто внешнем качестве – как ужасное. И таково то понимание трагического, которое лежит в основе "Тита Андроника".

Сопоставив это с тем, как начинал Шекспир в области комедии, мы убедимся в том, что "Тит Андроник" так же представляет собой примитивное понимание трагического, как "Комедия ошибок" дает элементарное выражение комического, заключающегося в случайных и внешних совпадениях. Оба произведения находятся на одном и том же эстетическом уровне, что косвенно подтверждает авторство Шекспира в отношении "Тита Андроника", как и не случайна связь обеих пьес с традициями "римской" драмы.

Обращение молодого Шекспира к античному сюжету было вполне в духе эпохи Возрождения, когда гуманисты культивировали изучение истории и литературы древнего мира. Не забудем, что изучение латыни и памятников римской литературы составляло главное содержание обучения в грамматической школе, которую окончил Шекспир, возможно, после этого и сам преподававший некоторое время. Интерес Шекспира к античности сказался не только в "Тите Андронике". Вспомним, что его "Комедия ошибок" представляет собой переработку "Менехмов" Плавта. Наконец, об этом же свидетельствуют многочисленные ссылки на античную мифологию и историю в таких ранних произведениях, как "Укрощение строптивой", "Бесплодные усилия любви", в "Генрихе VI" и т. д.

Мы не знаем, правда, источника, послужившего основой сюжета "кровавой трагедии" Шекспира. Возможно, что он опирался на не дошедший до нас полулегендарный рассказ. Не менее вероятно, что источником ему послужила чья-либо пьеса на тот же сюжет. В записях театрального антрепренера той эпохи Филиппа Хенсло встречаются упоминания пьес со сходным названием, но никаких оснований для суждения по этому вопросу они не дают. Для нашего восприятия "Комедия ошибок" более приемлема эстетически, чем "Тит Андроник", в силу того что эмоции, вызываемые комическим даже в его самой примитивной форме, связаны все же с удовольствием, тогда как трагическое в его элементарном проявлении вызывает лишь отвращение. Но не такова была реакция современников Шекспира. Документальные данные свидетельствуют о популярности пьесы. Шекспир написал и поставил ее около 1594 года, но она имела долгую сценическую жизнь. Даже появление "Гамлета" и "Короля Лира" не могло вытеснить "Тита Андроника", и Бен Джонсон в 1614 году с иронией отмечал в прологе к своей комедии "Варфоломеевская ярмарка", что "Испанская трагедия" и "Тит Андроник" продолжают находить поклонников. По мнению Бена Джонсона, "тот, кто клянется, что "Иеронимо" (другое название "Испанской трагедии". – Ред.) и "Тит Андроник" являются лучшими пьесами, показывает, что его вкус не сдвинулся с места за прошедшие 25-30 лет".

Кровавая драма была вскоре превзойдена трагедией более высокого художественного уровня. Но и на своем новом этапе искусство трагедии сохранило некоторые элементы более ранней формы жанра. В "Гамлете", "Макбете" и "Короле Лире" зритель видит достаточное количество ужасов и злодейств. Однако внешне трагическое отступает там на второй план по сравнению с истинно трагическим.

Хотя "Тит Андроник" в художественном отношении бесконечно ниже великих трагедий Шекспира, но и в этой пьесе есть черты примечательные. Это прежде всего энергия, с какой ведется действие, и несомненная театральность. Автор уже тогда обладал чувством драматизма. Каждая сцена пьесы представляет собой стычку, столкновение, конфликт. Сюжет развивается стремительно и целеустремленно.

Хотя здесь нет еще характеров и персонажи представляют собой типы, лишенные индивидуальности, контуры фигур обладают драматургической определенностью. Добродетельный воин, гражданин и отец Тит Андроник, страдальца Лавиния, злодей Арон, коварная Тамора, безумный эгоист Сатурнин и другие наполняют сцену кипением страстей, изливающихся в речах, полных условной театральной

патетики, среди которой изредка сверкают искорки истинных чувств и подлинной поэзии. Некоторые из этих персонажей – первые, весьма несовершенные типы характеров, которые получают впоследствии глубокое раскрытие у Шекспира. Наибольший интерес в этом отношении представляют два образа. В Таморе есть черты, предвещающие и леди Макбет и Клеопатру, а мавр Арон – первый эскиз Яго, Эдмунда и других подобных гениев зла в пьесах зрелого Шекспира.

Самые несовершенства "Тита Андроника" интересны для нас как показатели того, с чего Шекспир начинал в сфере трагедии, они помогают лучше понять и оценить стремительное развитие его гения, уже вскоре давшего в "Ромео и Джульетте" новое и более глубокое понимание трагического. А. Аникст
ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ "ТИТА АНДРОНИКА" ...чьей особой волей мы облечены... – Марк – народный трибун.

...по прозванию Пий... – Пий (лат. Pius) значит "благочестивый".

Хранитель Капитолия великий – верховный бог римлян Юпитер.

Стикс – река в подземном царстве, на берегах которой, согласно верованиям древних, души блуждали, пока их тела не предавали погребению.

...возможность беспощадно отомстить в его шатре фракийскому тирану...

Троянская царица Гекуба вырвала глаза фракийскому царю Полиместору, убившему одного из ее сыновей.

Солон – афинский мудрец и законодатель VII-VI веков до н. э., по преданию, полагал, что истинно счастливыми можно считать лишь умерших, потому что они более неподвластны превратностям судьбы.

...и новые навлечь на вас заботы? – Заботу о необходимости избрать нового правителя.

Фебея – одно из наименований Дианы, богини луны.

И ты меня ударил, Марк, по шлему! – то есть нанес оскорбление.

Ведь греки предали земле Аякса... – Греки под Троей по совету Одиссея, сына Лаërта, предали погребению Аякса, который в припадке ярости хотел перебить их и затем в отчаянии покончил с собой.

День любви – юридический термин, означавший день, назначенный для мировых соглашений.

Дубин, дубин! – обычный крик английских горожан, призывавших стражу, чтобы разнять уличную свалку.

...твой бок украсила мечом для танцев... – Для танцев кавалеры времен Шекспира привешивали к поясу бутафорские мечи, которыми нельзя было сражаться.

Вулкана украшение – рога, так как жена Вулкана Венера изменила ему с Марсом.

Храм Славы – или, что почти то же, Молвы – в представлении древних весь состоял из глаз, ушей и языков.

Скиталец-принц – Эней, история любви которого к карфагенской царице Дидоне, составляющая один из эпизодов его странствий после разрушения греками Трои, рассказана в "Энеиде" Вергилия.

Сатурн. – По астрологическим верованиям, лица, родившиеся под планетой Сатурном, отличались холодностью чувств.

Об истории Филомелы см. предисловие к пьесе.

Актеон – юный охотник, подсмотревший, как Диана купалась со своими нимфами. Разгневанная богиня обратила Актеона в оленя, после чего он был разорван собственными псами.

Твой черный киммериец... – О киммерийцах в "Одиссее" сообщается, что они обитали на крайнем Западе, в области, куда никогда не проникали лучи света. В историческое время киммерийцами назывался народ, живший на Таврическом полуострове. Однако ни тем, ни другим черный цвет кожи не приписывался. Слово "черный" здесь применено в переносном смысле – лишенный света, мрачный душой.

...к стволу грозящего бедою тиса... – Тис считался зловещим деревом, весьма пригодным для всякого колдовства.

Семирамида – полумифическая царица Ниневии, по преданию, отличавшаяся чрезвычайной жестокостью.

Так свет луны Пирама озарял, когда лежал он, весь в крови девичьей. – В "Метаморфозах" Овидия рассказывается история любви Пирама и Фисбы. Придя на свидание, Фисба встретила льва и бежала от него, оставив свое покрывало, которое лев, перед тем кого-то растерзавший, разорвал и испачкал своей окровавленной мордой. Явившись немного позже на свидание, Пирам увидел покрывало и, решив, что его возлюбленная погибла, закололся мечом. Вернувшись Фисба, увидев труп Пирама, тоже покончила с собой.

Коцит – река в загробном мире.

Титан – одно из наименований бога солнца Феба.

...у ног фракийского поэта Цербер. – Пес Цербер, сторожащий вход в загробный мир (ад), заснул, убаюканный сладостным пением Орфея,

Шекспир У. Тит Андроник filosoff.org
отправившегося в ад за своей женой Эвридикой.
Энея ль принуждать, чтоб гибель Трои и скорбь свою поведал дважды он? Свой рассказ Дидоне о пережитых им бедствиях Эней в "Энеиде" Вергилия начинает следующими словами: "Царица, ты приказываешь мне вновь пережить невыразимое страданье".
Ах! Сыновьям Корнелия читала... стихи и книгу Туллия "Оратор". Корнелия - мать Гракхов, воспитавшая в них самоотверженный патриотизм и любовь к народу. Туллий - Марк Туллий Цицерон.
Magni Dominator... - два слегка измененных стиха из трагедии Сенеки "Ипполит".
И ты, мой мальчик, в ком надежду видит наш римский Гектор! - Как надеждой троянского Гектора был его малолетний сын Астианакс, так надеждой "римского Гектора" Люция является его юный сын Люций.
...как Юний Брут с отцом и мужем жертвы насилия - Лукреции невинной... - Юний Брут поклялся вместе с отцом и мужем обесчещенной Лукреции отомстить за нее. Согласно преданию, результатом этого было свержение в 509 году до н. э. царской власти в Риме и установление республики.
Северные ветры песок развеют, как листы Сивиллы... - Легендарные "книги Сивиллы", будто бы содержавшие пророчества о грядущих судьбах Рима, хранились в Капитолии под надзором жрецов. Позже они исчезли при неизвестных обстоятельствах.
Марк, будь ему, безумному, опорой! - Не поняв горького сарказма предыдущих слов Тита, Марк решает, что он от горя лишился рассудка.
Латинская цитата из "Од" Горация (книга I, ода XXII).
Не счастье ль было - у ворот дворца трибуну вызов бросить перед Титом? - Намек на события, изображенные в акте III, сцене 1.
...ни Энкелад с исчадьями грозящими Тифона, ни славный сам Алкид... Энкелад и Тифон - гиганты, побежденные Зевсом (Юпитером). Алкид - Геркулес.
Он отвергает все цвета другие. - Арон хочет сказать, что черный цвет нельзя закрасить никаким другим.
Латинская цитата из "Метаморфоз" Овидия, где рассказывается, что Астрея, богиня справедливости, покинула землю после наступления "железного века", сменившего "золотой", и с тех пор сияет на небе в виде созвездия Девы.
...и прорубиться в самый центр ее... - В поисках Астреи, которой больше уже нет на земле.
Ad Iovem... - Адресатами стрел являются столько же небесные светила, сколько и самые боги, имена которых носят эти светила.
..и Бык, задетый, Овна так боднул, что во дворец рога бараньи сбросил. - Марк делает вид, что принимает упавшие на землю стрелы за отбитые им куски созвездий.
...трепуну (трибуну) ...имперьяльских (императорских)... - Здесь и дальше, подобно другим шутовским персонажам Шекспира, парень иногда коверкает слова.
Гиперион - одно из наименований Гелиоса (Солнца).
...пир более жестокий и кровавый хочу устроить я, чем пир кентавров. На свадебном пиру паря лапифов Пирифоя приглашенные в качестве гостей кентавры, напившись, хотели похитить невесту, но были перебиты.
...дочь умертвив своей рукой за то, что чести и невинности лишилась?
Шекспир допускает неточность: согласно преданию, древний римлянин Виргиний убил свою дочь для того, чтобы предупредить грозившее ей бесчестие.
Как встарь наш предок... - Эней считался родоначальником римлян.
Синон - хитрый грек, который соорудил деревянного коня, погубившего Троя.
Синон уговорил троянского царя Приама ввезти в город этого коня, из которого потом вышли спрятанные в нем греческие воины.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!